

Секретный удар

Автор:

Алекс Орлов

Секретный удар

Алекс Орлов

Тени войны #20

Герберт Апач был удачлив на бирже. Он имел серебристый автомобиль, просторный дом и собирался жениться на первой красавице города. Но судьба сделала крутой поворот. Его объявили шпионом и приговорили к расстрелу, его преследовали монстры, за ним по пятам гналась неведомая сила, на него начали охоту...

Другой бы спятил, да герой и сам был близок к этому, однако скоро ему стало известно, что он вовсе не Герберт Апач.

И еще вопрос – человек ли он?

Алекс Орлов

Секретный удар

В городе Рио-Капанасе, что на планете Тироль, никогда не происходило ничего особенного. Наверное, потому, что все здесь занимались цветами – выращивали и продавали их миллионами и даже миллиардами, в зависимости от сезона. Вот у соседей, в столице мясной промышленности Леноксе или в винокуренном Оннбойме, там – да, там такие дела творились, что только держись, а в цветочном Рио-Капанасе было тихо.

Ну, убьют изредка кого или украдут выручку от продажи партии кинацинтов, красных цветов юга, и снова тихо. Даже начальник полиции, достопочтенный бригадир Кносс, который двадцать лет прослужил полицейским капитаном в одном из районов Ленокса, частенько говаривал: «Скучно тут у вас». И был абсолютно прав: потрясения и войны, происходившие где-то за Красными созвездиями, куда было лететь полгода, если не больше, попадали на полосы местных газет чрезвычайно редко. Настолько редко, что их считали выдумками нечестных журналистов.

А между тем это были вовсе не выдумки.

1

Преуспевающий биржевой спекулянт Герберт Апач возвращался домой с дружеской попойки, которой отметил свой успех и личный рекорд сезона. Гэри продал больше ста тысяч тонн луковиц красных кинацинтов, из которых цветочники пригородов Рио-Капанаса собирались вырастить на будущий год свой новый урожай.

С самими цветами Герберт Апач старался не связываться – ни к чему, ведь луковицы давали куда больше дохода.

Гэри шел по освещенной фонарями улице и улыбался. В последнее время ему везло не только в бизнесе, но и в личной жизни. Он собирался жениться на блистательной красотке Ванессе Фармер, которая остановила на нем свой выбор, что неудивительно: Гэри был молод, преуспевал в делах, и будущее сулило ему неплохие перспективы.

Конечно, абсолютной верности мисс Фармер обещать не могла, однако находила его милым и... не противным.

Из-за угла вывернул автомобиль, Гэри, слегка покачиваясь, остановился, освещенный его фарами.

– Добрый вечер, сэр! – приветливо поздоровался водитель. – Не хотите воспользоваться самой быстрой машиной в городе?

– Так уж и самой быстрой! – Гэри с сомнением покачал головой и громко икнул. По случаю праздника он оставил свой автомобиль дома, и подкатившее такси было как нельзя кстати. – Ну да уж ладно. – Он махнул рукой и, как только предупредительный водитель распахнул перед ним дверцу, плюхнулся на заднее сиденье.

Автомобиль резко стартовал с места, Гэри уже на ходу пробормотал:

– На Веллингтун, приятель. Дом одиннадцать...

– Слушаюсь, сэр. – Таксист решил, очевидно, показать пассажиру, на что способен его двигатель, – по пустынному городу машина летела, как комета, так что на одном из крутых поворотов Гэри даже сделал водителю замечание:

– Эй, парень, у меня заворот кишок случится... Поосторожнее, а то опрокинемся...

– Не опрокинемся! У меня магнитодинамические шины!

– А дорожная полиция на сканер сфотографирует?

– Прошлый век, сэр! – махнул рукой таксист. – У меня на корпусе четыре дифракционных датчика стоят, картинку на сканерах размывают.

– Да ты просто какой-то «неуловимый Филипп», – изумился Гэри и уставился в окно, но без толку – машина мчалась с такой скоростью, что он не успевал ни на чем сфокусировать взгляд.

Фасады, переулки, череда осветительных панелей, одинокая собака – все проносилось в нетрезвом мозгу Гэри, словно модный клип.

– Уже подъезжаем!

– Да уж я чую... Филипп...

Зашипели пневматические тормоза, Гэри почувствовал тупой удар в грудь, точь-в-точь как в матче по стрейфболу, когда прозеваешь крепкого защитника.

У него потемнело в глазах, а наполненный устрицами желудок опасно забурлил.

– Новинка! Тормозной модуль на гравитационном импульсе! Ну разве не здорово?!

– Здорово... – побелевшими губами прошептал Гэри, и в следующее мгновение его вывернуло прямо на переднее сиденье.

– Что вы делаете, сэр?! – завопил таксист и, выскочив из машины, поспешил открыть перед клиентом дверь. – Но как же так, сэр?! – не унимался он, вытаскивая Гэри Апача из салона. – Я за поплинский велюр для салона триста монет отвалил, а теперь мне что делать? Что прикажете мне делать?

Водитель тряс ничего не понимающего пассажира, который все еще не мог оправиться от такой жесткой остановки.

– Вы мне должны, сэр! Вы мне должны за велю...

Договорить таксист не успел. Он вдруг захрипел и стал заваливаться на Гэри, царапая его вылезшим из груди острием.

– Ну вот и рассчитались, – произнес чей-то голос. Гэри хотел повернуться и посмотреть, в чем дело, и тут ему на голову обрушился удар.

Теплый сезон подходил к концу, и ночи становились все холоднее. Два раза беглецам удалось переночевать в пригороде, укрывшись в штабелях пустых ящиков, но потом их выгнали оттуда проволочные крысы. Грызуны напали на бродяг среди бела дня, и им пришлось спешно уносить ноги.

До самого вечера они прятались то тут, то там, перебегая от куста к кусту, благо Рио-Капанас был очень зеленым городом.

Ночь застала бродяг на заднем дворе какого-то кафе, и они с удовольствием поужинали из помойного бачка. Затем двинулись дальше.

Срочно нужны были деньги, чтобы купить одежду, еду и убраться подальше – Ленокс был не так далеко от Рио-Капанаса, и погоня могла настигнуть их в любую минуту. Несмотря на кажущееся спокойствие на улицах цветочного города, двух сбежавших из тюрьмы преступников наверняка уже искали.

– Давай пока заляжем в канаве, Сайрус, – предложил один из беглецов. – Нужно подождать, пока народ перестанет сновать. Не можем же мы убивать всех.

– А почему? – Сайрус уставил на коллегу изуродованный глаз. – Почему мы не можем убивать всех, Пит?

– Потому что тогда копы сядут нам на хвост.

– Твоя правда, Пит. Я уже вижу подходящую канаву – там, у стены...

Поминутно оглядываясь, они перебрались к новому убежищу и улеглись, вытянувшись и уставившись в небо.

Где-то рядом по тротуару проходили люди, по проезжей части проносились автомобили, но никто и представить себе не мог, что совсем рядом, в каких-то двух шагах, в канаве прячутся преступники.

Пригревшись в выстланной торфом яме, беглецы уснули и очнулись в середине ночи, когда вокруг воцарилась тишина.

– Пит? – позвал товарища Сайрус.

– Я уже не сплю...

– Пора нам отсюда выбираться.

– Пора, – согласился товарищ.

Две всклокоченные головы показались над поверхностью земли и какое-то время, не шевелясь, настороженно изучали обстановку.

Потом преступники выбрались из укрытия и перебежали под раскидистое дерево, стоявшее у самой мостовой. Сайрус достал длинный нож, а Пит удовольствовался суковатой палкой, которую подобрал возле канавы.

Они простояли в засаде минут десять, когда наконец послышался шум мотора. Однако автомобиль проехал мимо и исчез из виду, свернув за угол.

В доме напротив к освещенному окну подошла молодая женщина. Она бросила на улицу скужающий взгляд и отошла в глубь комнаты.

– О-о, – произнес Пит. – Должно быть, она хорошо пахнет, а, Сайрус?

– Да уж конечно лучше, чем сапоги надзирателя Кокса, – поддержал товарища Сайрус.

Снова послышался звук приближавшейся машины.

– Этот тоже мимо, – сказал Пит, уверенный, что на такой скорости тормозить никто не станет.

Однако он ошибся. Автомобиль неожиданно начал сбрасывать обороты и резко, как будто натолкнувшись на препятствие, остановился в нескольких шагах от засады.

– Ух ты, – прошептал Пит, а Сайрус поудобнее перехватил нож.

Дверца со стороны водителя распахнулась, и оттуда выскочил взволнованный человек.

– Но как же так, сэр! – закричал он, обегая машину, чтобы вытащить пассажира. – Я за поплинский велюр для салона триста монет отвалил, а теперь мне что делать? Что прикажете мне делать?

– Чего он хочет, а? – недоуменно спросил Пит, глядя, как таксист трясет изрядно захмелевшего пассажира.

– Ну, типа, он ему должен, – пояснил Сайрус, прикидывая, что условия для броска создались просто идеальные.

– Вы мне должны, сэр! – требовал справедливости водитель, пока Сайрус делал замах. – Вы мне должны за велю... – Брошенный с силой клинок преодолел небольшое расстояние и с глухим стуком вошел в тело жертвы.

– Ну вот и рассчитались! – театрально произнес Сайрус, чрезвычайно довольный своим броском.

Таксист начал падать на пьяного, которого терзал еще мгновение назад, а тот удивленно пучил глаза, не понимая, что происходит. Подскочивший сбоку Пит вовремя огрел пассажира своей дубиной и разом прекратил его удивление.

– Давай сунем их в канаву, – привычно предложил Пит, быстро обшаривая карманы новых жертв. – Ух ты, а этот счастливчик при деньгах! – обрадовался он, выуживая из кармана оглушенного туго набитый бумажник. В другом кармане «счастливчика» обнаружилась коробочка с золотым кольцом, что вкупе с дорогими часами могло считаться королевской добычей.

– Мы не бросим их в канаву, – неожиданно сказал Сайрус, задумчиво вытирая нож о штаны таксиста. – Мы спрячем их в контейнер, вон там у магазина стоит.

– К чему такие хлопоты? – не понял Пит.

– К тому, что дальше мы поедem на этой машине. А чтобы ее дольше не искали, мы припрячем трупы подальше.

Взвалив на себя тела жертв, преступники, осторожно переступая по кочковатому газону, прошли за магазин и там сбросили тяжелую ношу на землю.

Сайрус ловко поддел ножом замок контейнера и заглянул под крышку.

– Что там? – поинтересовался Пит.

– Не пойму. Какие-то овощи...

– Это не овощи. Это, наверное, цветочные луковицы, мы у цветочного магазина. – Пит показал на край торчавшей с фасада вывески.

– Неважно. Ну-ка, давай поднимай...

Тела одно за другим были переброшены через край контейнера, и Сайрус плотно пристроил крышку на место.

Они уже возвращались к оставшемуся без хозяина такси, когда Сайрус вдруг спросил:

– А ты уверен, что убил того парня, Пит?

– Не знаю, – честно признался тот. – Если хочешь, давай вернемся, и ты сам прикончишь его.

– Да ладно, – махнул рукой Сайрус. – Неохота нож пачкать, я его уже вытер и просушил.

Никем больше не потревоженные злоумышленники погрузились в такси и отбыли восвояси.

3

Машина ночных грабителей еще не скрылась за ближайшим углом, когда в другом конце улицы показался большой неуклюжий фургон с погрузочной стрелой. Он двигался неуверенно – видимо, водитель плохо знал этот район и притормаживал чуть ли не возле каждого столба.

Наконец он остановился на том же месте, где еще минуту назад стояло такси, однако затем снова двинулся вперед и въехал во дворик за магазином. С трудом развернув фургон на тесном пространстве, водитель поставил машину носом к улице и выбрался из кабины. За ним вылез его напарник.

– Что я вижу, Джойвас, – зловещим шепотом произнес он. – И здесь тоже нет охраны!

– Они разбежались, господин префектор! Я им заплатил, но они разбежались!

– Тсс! – Названный префектором зажал водителю рот, огляделся и лишь после этого позволил неосторожному подчиненному дышать. – Если бы не крайняя нужда в людях, Джойвас, я бы уже лишил тебя жизни...

– Я исправлюсь, господин пре...

– Называй меня «дружище Фродди», я же тебе говорил.

– Конечно, дружище Фродди.

– Правильно, только не забывай добавлять «сэр».

– Конечно, дружище Фродди, сэр.

– Именно так. А теперь живо в кабину, надо спешить. Судно должно стартовать точно в срок.

Джойвас не стал испытывать терпение префектора и, забравшись в кабину, принялся манипулировать погрузочной стрелой.

«Дружище Фродди» ассистировал ему, помогая быстрее крепить стропы с захватами.

Не прошло и часа, как два десятка полутонных контейнеров были установлены на подвижную внутреннюю платформу грузовика, и Джойвас с префектором быстро прикрыли ее тентом.

– Все, поехали отсюда, – выдохнул порядком уставший «Фродди».

Они забрались в кабину, Джойвас завел мотор и, опасливо покосившись на префектора, тронул грузовик с места.

Их путь пролегал через сонный город. «Фродди» с презрением смотрел на спящие здания и ленивых полицейских, неспешно прогуливавшихся по пустынным площадям.

Казалось, все здесь дышит беспечностью и праздностью. То ли дело на его далекой родине, изнемогающей в борьбе с вероломным врагом.

Город закончился, и грузовик понесся по прямому как стрела шоссе. Скоро впереди показались мачты освещения и уродливые очертания портовых построек.

В темном небе плыли огни взлетающих и садившихся кораблей.

– Ну вот и приехали, – подал голос водитель, однако префектор не отозвался.

Грузовик подъехал к главным воротам и остановился. В свете его фар показался охранник. Он подошел к окну Джойваса и взял протянутые тем сопроводительные документы.

– Значит, луковицы вывозите?

– Они самые, – кивнул водитель.

– Понятно. – Охранник вернул документы и махнул рукой своему напарнику, чтобы тот открыл ворота. – Никаких бродяг вам на дороге не попадалось?

– Нет, а что такое?

– Из тюрьмы в Леноксе сбежали два опасных преступника. Говорят, будто они подались в Рио-Капанас...

– Ой, какие вы ужасы рассказываете! – покачал головой Джойвас. – Если б знал, всю дорогу трясса бы.

Грузовик проехал на территорию порта и остановился позади маленького автомобиля-лоцмана с ярко-желтой мигалкой на крыше.

– Двенадцать – тридцать четыре бэ! – крикнул Джойвас, высунувшись в окно, и лоцман бодро покатил вперед, разгоняясь по освещенной разделительной полосе.

– До чего же странно живут эти люди, сэр, – не отрывая взгляда от мигающего лоцмановского маяка, произнес водитель. – Живут, можно сказать, вовсе без всякой цели... Нет в ихней серой жизни места здоровому патриотизму, сэр.

Префектор не отреагировал на слова Джойваса, а когда машина подъехала к возвышавшемуся над остальными кораблями транспортному судну, остановил болтовню емким: «Заткнись».

Грузовик уже ждали. Навстречу выбравшемуся из кабины префектору вышли трое.

– Как все прошло, сэр? – спросил человек в штатском, в котором тем не менее угадывался военный.

– Вроде обошлось, – вздохнул префектор. – Давайте, Сеймур, поживее разгружайте, иначе выбьемся из графика.

– Есть, сэр. – Сеймур сделал движение, словно хотел щелкнуть каблуками, но тут же передумал, круто развернулся и пошел организовывать разгрузку-загрузку.

Зашипели раздвижные двери, с судна подали специальный транспортер, и вскоре по нему прямо в трюмы медленно поплыли контейнеры с луковицами. Товара было около тридцати тонн, а вместе с остальным грузом набиралось почти двести.

Двести тонн луковиц, из которых впоследствии должно было получиться знаменитое «красное масло». Благодаря ему боевые роботы Конфедерации

двигались быстрее своих противников, а механика роботизированной пехоты, совмещавшей в себе живое и неживое, не знала износа.

Имперская разведка много бы дала, чтобы узнать, откуда поставлялось это ценное сырье, а потому приходилось соблюдать крайнюю осторожность.

Это ведь только на планетах вроде Тироля люди могли развлекаться цветочками, но всего в одном «прыжке» от них начинался настоящий ужас. Бывало, и сам префектор в мыслях называл происходящее именно этим словом.

– Пошевеливайтесь! – крикнул он еще раз и поднялся на судно. До старта оставалось совсем немного, и ему хотелось побыть в одиночестве хоть пару минут.

4

Разрывая атмосферу струями раскаленного газа, транспортный корабль «Афалина» класса «трансформер» оторвался от беззащитного Тироля, и прямо на орбите планеты к нему пристали истребители из охранного агентства.

– Не хотите ли обзавестись хорошей компанией, капитан? Мы берем недорого, – вклинились они на открытую волну. Пилот криво усмехнулся, а стоявший неподалеку префектор Магнус утвердительно кивнул. Его судно должно было выглядеть безобидной овечкой, а значит, следовало принять предложение.

– Хорошо, я согласен, – от своего имени ответил пилот. – Беру четыре борта до навигационного маяка «Турчин-1441».

– И все?!

– А вам не подходит?

– Подходит, капитан. Оплата карточкой «Золотое кольцо».

– Идет!

В кабину вошел Сеймур.

– Как груз? – спросил Магнус.

– Все ящики целы, за исключением нескольких царапин.

– Отлично. Пусть свободная смена отдыхает. Через десять часов – «прыжок».

– Слушаюсь, сэр.

Сеймур ушел, и префектор погрузился в свои мысли. Ему предстояло выбрать координаты выхода из «прыжка», и в этом он мог положиться лишь на собственную интуицию, поскольку точных данных о нахождении врага у него не было.

«Афалину» принимали и передавали все новые навигационные маяки, сопровождавшие судно истребители перемещались с одной стороны на другую, а префектор все сидел и сидел, кивая вновь заступавшим на смену, и ждал момента, когда нужные цифры сами возникнут у него в мозгу.

Наконец закончился длинный десятичасовой переход до маяка «Турчин-1441».

– Капитан, – напомнили о себе пилоты сопровождения. – Мы довели вас до Турчина.

– Пересылайте номер счета, – ответил префектор, который лично распоряжался казенными средствами.

Реограф отщелкал номер и сумму. Она показалась префектору слегка завышенной, однако спорить было недосуг. Сунув карточку в гнездо, он перевел деньги.

Звено сопровождения развернулось вокруг маяка и, качнув на прощание крыльями, помчалось прочь. Магнус проводил их взглядом. «Да уж, нелегко деньги достаются этим охранникам, – подумалось ему. – Я бы так, наверное, не

сумел».

– Сфера чистая, посторонних не наблюдаю, – сообщил пилот, сменивший коллегу часа два назад.

– Начинайте подготовку, – распорядился префектор и написал на небольшой пластиковой табличке несколько цифр. Затем положил ее перед пилотом – это были подсказанные интуицией безопасные координаты выхода.

Постояв в кабине еще немного, Магнус отправился в свою каюту, чтобы подкрепиться. После десятичасового бдения он чувствовал себя измотанным.

Между тем транспортное судно прямо на ходу производило трансформацию. Из некоего подобия гладкого и округлого морского зверя оно превращалось в угловатое чудовище из черной матовой брони с торчащими из бортов стволами орудий.

«Афалине» предстояло выйти из «прыжка» поблизости от дома, но и там, случилось, попадались имперские корабли.

Еще до того, как все превращения были закончены, префектор Магнус вернулся в кабину. Пронзительные звуки сирены известили экипаж о предстоящем «прыжке».

От корпуса судна стали расходиться фиолетовые волны, а очертания корабля начали терять четкость. Затем сверкнула яркая вспышка, и там, где только что была «Афалина», не осталось ничего.

5

В тот момент, когда «Афалина» выскочила из «прыжка» в своем мире, лежавший в контейнере Герберт Апач испытал те же неприятные ощущения, что и тогда, при торможении такси.

Поначалу Гэри решил, что этот мерзавец-таксист снова проверяет на нем свои штучки, однако сколько он ни моргал, темнота не отступала.

«Должно быть, я добрался домой и теперь сплю, – подумал Гэри. – Но как же сильно болит башка, особенно справа... Что же я такое пил вчера, моторный окислитель?»

Ящик, в котором находился Гэри, резко накренился, и несчастный пассажир стукнулся больной головой о стенку. Ему было невдомек, что таким образом «Афалина» пыталась уйти от настигавшей ее погони.

Навстречу транспорту от планеты Куггель уже неслись тяжелые «кронфоссеры», однако севшие ему на хвост имперские «дудхаймы» стригли космос из плазменных пушек, выбивая из корпуса «Афалины» целые секции сотовой брони.

Стрелки транспорта давали атаковавшим достойный отпор, выстраивая из огненных трас причудливые узоры. «Дудхаймы» уворачивались от губительных зарядов и торопились нанести ускользавшей добыче максимальный урон.

В какой-то момент преследователям удалось всадить в борт «Афалины» тяжелую ракету, однако, несмотря на чудовищный удар, сотрясший судно, сотовая броня спасла его от неминуемой гибели, а в следующее мгновение в бой с «дудхаймами» вступили «кронфоссеры».

Пошипанный транспорт скользнул под защиту орбитальной группировки. В его трюме, в темном душном ящике с луковицами, лежал несчастный Гэри Апач, теперь уже полностью уверенный в том, что сошел с ума.

После ухода главной цели имперские перехватчики не стали задерживаться и, обменявшись с «кронфоссерами» жестокими ударами, убрались восвояси, оставив в космосе обломки четырех своих машин.

Тем временем «Афалина» осторожно погружалась в атмосферу Куггеля, сопровождаемая истребителями Воздушной армии барона Хеддинга.

– Проверьте, что с грузом! – крикнул префектор Магнус.

Сразу несколько его помощников бросились в грузовые трюмы и скоро вернулись.

– Все в порядке, сэр, несколько контейнеров сдвинулись с места, только и всего... – доложил Сеймур.

– Только и всего... – Префектор вздохнул. Появление имперских перехватчиков в точке выхода из «прыжка» оказалось для него полной неожиданностью.

«Как они узнают? Как?» – мучительно размышлял Магнус. Он уже не раз попадал в расставленные имперцами сети. Пока ему удавалось уходить, однако неизвестно, сколько еще может продлиться это везение.

– Под нами материк Либия, сэр, – сообщил пилот.

– Хорошо, продолжайте снижение... Если «динго» Воздушной армии вас смущают, я могу их отогнать.

– Нет, сэр. Все в порядке. Мне даже приятно, что они рядом, после этих «дудхаймов»...

6

К тому моменту, когда судно приземлилось в порту, Герберт Апач уже немного пришел в себя. Он ощупал изнутри стенки контейнера и понял, что находится в закрытом ящике. Под ним были луковицы кинацинта, а по соседству – Гэри и думать об этом боялся – лежал кто-то еще, судя по всему – мертвый.

Сколько Гэри ни пытался вспомнить, каким образом он попал в ящик, в памяти не всплывало ничего.

Мысль, что это просто мусорный бак, пришлось отбросить сразу, поскольку здесь был не мусор, а первосортные цветочные луковицы. Гэри достаточно хорошо разбирался в них, чтобы понять это.

Между тем снаружи происходила какая-то деятельность. Помимо того что ящик время от времени наклонялся и даже трясся, до Апача долетали отдельные невнятные звуки. От попытки постучать по стенкам Гэри отказался – что-то подсказывало ему, что делать этого не стоит.

Так он и лежал, не зная, что делать и как поступить, пока не расслышал звуки шагов, а затем чье-то прикосновение к ящику.

Один за другим лягнули замки, поднялась крышка, и Герберта ослепило нестерпимо ярким светом. Он прикрыл ладонью глаза, успев, однако, заметить, что над ним склонилось несколько голов. Незнакомцы были так поражены, что в первые мгновения никто из них не мог произнести ни слова. Зато потом они закричали – хором.

Сразу несколько пар рук вцепились в Гэри, выдернули несчастного путешественника из ящика и швырнули на стальной пол. От такого сотрясения у него снова поплыло перед глазами, и Гэри даже не заметил поначалу, как рядом с ним грохнулся труп таксиста.

Но вот зрение прояснилось, и при взгляде на отекавшее серое лицо трупа Гэри начал как будто что-то припоминать. Впрочем, вспомнить окончательно ему не дали. По ушам больно резанули громкие крики, а затем Гэри схватили за шиворот и рывком подняли с пола.

– Ты, ублюдок, имперский шпион! – зловещим голосом произнес человек с широкими плечами и головой, упртанной в массивный стальной шлем.

Этот шлем выглядел такой же неотъемлемой частью неприятного незнакомца, как и его низкий лоб, глубоко посаженные глаза и толстые губы.

– Ты умрешь самой страшной смертью! – добавил он, поднеся к лицу перепуганного Гэри какое-то странное оружие.

Гэри не сразу понял, что это металлическая рука.

– Тащите его к выходу! – приказал железнорукий, но тут в трюм вбежал человек в черном. Его руки выглядели вполне обыкновенно, однако выражение лица не

сулило Гэри ничего хорошего.

– Сержант Огаст, сэр, – козырнул железнорукий. – Сто первый пехотный полк. Прикомандирован для охраны порта.

– Кто это? – коротко спросил префектор.

– Шпионы Империи. Один мертвый, второй скоро будет мертвым.

Префектор шагнул к открытому контейнеру, быстро заглянул туда, выпрямился и, подойдя к Гэри, приблизил к нему перекошенное от злобы лицо:

– Как вы туда попали, говори...

– Я... я не знаю... – проблеял Гэри, понимая, что его ответ звучит неправдоподобно.

– Не знаешь, – повторил префектор, сразу как будто успокоившись. – Ну ладно, мы об этом еще поговорим.

7

Шпионы были отправлены в полицейский департамент, а спустя два часа к широким воротам «Афалины» подъехал на большом лакированном автомобиле субвайзер Ливийского материка Поллер. С ним прибыла его многочисленная, вооруженная до зубов свита.

Полгода назад на Поллера было совершено покушение, и теперь он не делал и шагу без охраны.

Магнус поздоровался и по тому, как небрежно ответил ему высокий чиновник, понял, что про шпионов уже всем известно.

– Что я слышу, Магнус, вы притащили к нам каких-то имперских лазутчиков?

– Пока еще ничего не известно, господин субвайзер... Мне нужно время, чтобы выяснить все подробнее.

– Выяснять теперь будут другие, Магнус. Ваше дело сдать весь драгоценный груз. Надеюсь, он не поврежден?

– Практически нет. Небольшой дополнительной очистки потребуют только луковицы из контейнера, где находились эти двое...

Неизвестно, как долго терзал бы Магнуса субвайзер, если бы не транспорт с Лонжина, доставивший очередную партию танков. От рева его посадочных двигателей в радиусе полукилометра ничего не было слышно.

Поллер со своей свитой вернулся к машине и укатил, провожаемый недобрым взглядом Магнуса. Его так и подмывало нагрубить субвайзеру во время разговора, однако тот был лично знаком с высокими чинами Конфедерации и мог испортить префектору карьере.

– Сеймур! – позвал Магнус, и, несмотря на грохот очередного заходившего на посадку транспорта, помощник его услышал.

– Слушаю, сэр! – отозвался он, спускаясь из трюма.

– Мне нужно отлучиться в полицейский департамент, так что вся разгрузка на тебе...

– Понял, сэр.

Махнув рукой проезжавшему мимо тягачу, префектор запрыгнул ему на подножку и поехал к краю поля.

За время его отсутствия в порту прибавилось сутолоки, прибывающие войска не успевали освобождать место для новых частей.

Войска перебрасывались с тыловых планет Конфедерации, казалось, им нет счета, однако префектор знал, что под угрозой атаки имперских флотов

находятся одновременно несколько направлений и Конфедерация концентрирует повсюду оборонительные силы.

Когда тягач начал сворачивать в складскую зону, Магнус соскочил на бетон и остававшиеся пятьдесят метров до пешеходной зоны преодолел бегом.

Со стоянки пассажирских челноков ему угрожающе помахал жезлом портовый регулировщик, однако префектор нырнул в толпу солдат киберпехоты и, протиснувшись между их жесткими щитками, вошел в здание порта.

Выбрав нужное направление, Магнус пересек полупустой зал ожидания, предъявил патрулю жетон префектора и поднялся на этаж полицейского департамента. Там он снова показал свой жетон, однако на полицейского капрала это не произвело должного впечатления.

– Чем я могу вам помочь, сэр? – вежливо поинтересовался он.

– Я хочу узнать, как происходит дознание по делу двух имперских шпионов.

– Сожалею, сэр, но результаты дознания секретны и мы не имеем права разглашать их.

– Послушайте, капрал, – начал терять терпение Магнус. – Эти люди проникли на мой корабль неизвестно как, а я выполняю очень ответственную работу. Если вы не предоставите мне материалы дознания, то тем самым поставите под удар обороноспособность Конфедерации!

– Хорошо, сэр, – согласился капрал. – Покажите ваш жетон еще раз.

Магнус снова продемонстрировал серебристую бляху, и капрал, запросив его номер в базе данных, получил на терминале перечень допусков префектора Магнуса. Список оказался настолько внушительным, что полицейский мгновенно смягчился.

– Одну минуточку, сэр, – сказал он почтительно, – я выясню, где находятся эти шпионы.

Он связался с диспетчером, и скоро за Магнусом спустился курьер.

– Господин префектор? – спросил он.

– Да, это я.

– Следуйте, пожалуйста, за мной.

Они поднялись еще на один этаж и долго шли вдоль вереницы дверей, пока не нашли нужную – в глубине сумрачного коридора.

– Прошу вас, господин префектор, – сказал курьер, открывая дверь. – Здесь у нас шпионы.

Магнус шагнул первым и чуть не закашлялся от вони. Впрочем, персоналу душегубки подобный запах был привычен.

В допросе как раз наступил перерыв, и служащие пили чай с печеньем.

– Префектор Магнус интересуется результатами дознания, – сообщил курьер и выскользнул в коридор.

– Следователь Рольф, сэр, – поднявшись с привинченного к полу металлического табурета, представился один из сотрудников и стал тыкать пальцем в своих коллег, подскочивших при появлении Магнуса.

– Медицинский надзиратель Койтер. – Лысоватый субъект в грязном халате чинно поклонился.

– Дознаватель Мортейн. – Этот был низкоросл, с бугрящимися, словно накачанными воздухом мышцами.

– И, наконец, еще один дознаватель – Крага, – с некоторой торжественностью в голосе сообщил следователь, представляя типичного полукибера со стальными шарнирами вместо плеч, похожими на рычаги руками и немигающим взглядом убийцы.

– Очень приятно, господа, – сказал Магнус. – А теперь я бы хотел узнать, что сказал вам шпион, доставленный с транспорта «Афалина». Кстати, который из них? – Префектор перевел взгляд на висевшие на цепях жертвы. Их было десятка полтора. Некоторые были явно мертвы, причем уже давно.

– Вон тот, с пробитой головой, – сообщил медицинский надзиратель.

– А он живой? – засомневался префектор.

– Живой, не извольте беспокоиться, – заверил надзиратель.

– Так что же он сказал, следователь Рольф?

– Сейчас-сейчас.

Рольф торопливо смахнул с листа бумаги крошки и, разгладив его ладонью, начал читать:

– На вопрос, как он попал на судно, допрашиваемый ответил: «Не знаю».

– И все?

– Все. Как только мы его ни обрабатывали. Сначала говорил «не знаю», а потом стал говорить «не помню».

Осторожно обойдя лужи крови, Магнус подошел к «своему» шпиону.

Почувствовав чье-то приближение, тот вздрогнул, должно быть, боялся, что его снова начнут бить. Приподняв голову, он вполне осмысленно посмотрел на посетителя. Магнус заглянул ему в глаза:

– Ты должен сказать мне, как попал на корабль... В ящике – на корабль. Можешь вспомнить?

– Я... я могу только предположить... – Слова давались «шпиону» нелегко, он то и дело срывался на кашель. – Я помню, как... остановился возле дома... там еще

есть оптовый магазин, торгующий семенами...

– Ты говоришь о Тироле?

– Да... Рио-Капанас...

– Хорошо, я знаю, о чем ты говоришь. Что же было дальше?

– Думаю... меня ограбили. Ударили по голове и забрали все... Деньги, часы и кольцо...

– Как тебя зовут, несчастный?

– Герберт Апач.

– Так. – Магнус повернулся к персоналу душегубки. Теперь, когда он знал, что появление на борту «Афалины» непрошенных гостей – скорее всего чистая случайность, давившая на его плечи тяжесть наконец свалилась. – Этот парень таки раскололся. – Магнус подошел к следователю Рольфу и уже тише добавил: – Дальнейшее дознание не имеет смысла. Этот человек является носителем секретной информации, поэтому его нужно уничтожить как можно скорее.

– Понятно, сэр. Сделаем обязательно.

Следователь посмотрел через плечо префектора на приговоренного:

– В случае чего можно будет сослаться на вас, сэр?

– Конечно.

– Сделаем, непременно сделаем.

Врывавшийся в зарешеченные окна ветер теребил Герберту волосы и приятно охлаждал избитое тело.

После нескольких часов висения на пыточном станке его и еще семерых, таких же, как он, избитых людей швырнули в автомобильную клетку и повезли куда-то прочь из города.

Зданий становилось все меньше, а войсковых колонн все больше. На дорожных перекрестках спешно сооружались долговременные огневые точки, а на холмах оборудовались позиции зенитных ракет.

Если бы не овладевшее Гербертом частичное оцепенение, все происходящее вокруг сильно бы его удивляло, а так он просто радовался, что его не бьют, что он может сидеть на жесткой скамье и ощущать, как к занемевшим рукам и ногам возвращается чувствительность.

Спустя четверть часа тюремная машина остановилась возле длинного одноэтажного строения, около которого скучал целый взвод солдат. Увидев автомобиль, они немного оживились.

Привезенных узников стали не слишком любезно выпихивать из фургона, почти все они падали плашмя на землю, не в силах удержаться на ослабевших ногах.

Герберту удалось устоять. Он прибил к кучке измученных людей и, осмотревшись, начал наконец понимать, что это за глухое место и почему взвод солдат строится в десяти шагах от испещренной выбоинами стены.

– Так, очень хорошо! – оглядев выгруженных из машины людей, произнес командир взвода, лейтенант с тоненькими усиками на одутловатом лице. – Господа пассажиры, пожалуйста, проходите к стене. Пора уже нам на сегодня заканчивать...

Не проронив ни слова, арестанты безропотно двинулись к последнему рубежу.

Солдаты лениво почесывались и зевали. Герберт отметил, что на них нет тяжелой брони, видимо, такая служба не предполагала никакой опасности для здоровья.

«Вот, значит, как все закончится», – отстраненно, словно о другом человеке, подумал Гэри. Какой смысл в деньгах, которые он нажил? В солидном положении, завоеванном им в среде бизнесменов? А как же Ванесса, кому она теперь достанется? Луи? Или, может быть, Эрлиху?

– Взво-о-од! Готовсь!

Солдаты подняли штурмовые винтовки, и с десятков из них, как показалось Герберту, навели свои стволы именно на него.

– Целься! – Лейтенант уже замахнулся рукой, чтобы произнести последнюю команду, но тут совершенно неожиданно его прервал шофер тюремной машины, который что-то высматривал между колес.

– Прошу прощения, сэр!

– Что? Что такое?

– Прошу прощения, сэр, но, кажется, у меня полетела демпферная камера на амортизаторе...

– И что?! – заорал в ответ лейтенант, выпучив глаза.

– Доходяги нужны мне всего на пару минут, чтобы машину приподнять... – Шофер виновато улыбнулся, словно признался в чем-то постыдном. – Пусть уж перед самым концом принесут пользу дорогому отечеству.

– Ладно, – согласился лейтенант. – Пусть принесут. Не нам же твою машину ворочать.

– Вот и я говорю – не вам же, – закивал водитель. Он перевел взгляд на построившихся у стены смертников. – Давай сюда, доходяги! Вставайте на путь раскаяния, шпионы Империи!

Видимо, шофер хотел сказать что-то еще, но внезапно на ближайшем пригорке показалась легкая гусеничная танкетка. Она стремительно помчалась вниз, прямо к бетонному барaku.

Взрыв гусеницами землю, танкетка резко остановилась. Боковые люки ее распахнулись, и оттуда выскочили четверо закованных в тяжелую броню пехотинцев.

– Сколько у вас людей?! – с ходу закричала женщина с офицерскими лотосами на плечах.

– Тридцать один, мэм! – вытянувшись в струнку, доложил лейтенант.

– Почему без доспехов?

– Э-э... – на мгновение растерялся лейтенант. – Мы специальный взвод, мэм. При военно-полевым суде...

– Ах вон оно что, – кивнула женщина и, переложив из руки в руку италийер с голубоватым фианитовым лезвием, показала им в сторону невысоких холмов. – Скоро оттуда пойдут имперцы. До сотни единиц тяжелого десанта второго уровня. Понятия не имею, откуда они тут взялись, но мы на них наткнулись случайно... Приказываю занять рубеж в этом здании и продержаться до подхода главных сил. Помощь уже близка. Как поняли?

– П-поняли... – проямлил лейтенант.

– Вот и хорошо. Занимайте оборону... Роже, Мактус! Достаньте из машины оружие, нам нужно как можно больше солдат. Раздайте бронебойные ружья этим. – Женщина указала на сбившихся в кучу приговоренных.

– Но это государственные преступники, мэм, – попытался вмешаться лейтенант.

– Они уже идут, Ирэн! – крикнул один из спутников женщины-офицера, наблюдавший за холмами с башни танкетки.

– Кто умеет стрелять? – строго спросила Ирэн у оробевших узников.

– Я, – сам не зная почему, сказал Герберт и шагнул вперед, хотя весь его воинский опыт исчерпывался стрельбой по бутылкам из малокалиберного

пистолета.

– Вот, это «нерпа», полностью автоматическая бронебойная система. Главное – лучше целься. – С этими словами Ирэн вручила Гэри оружие с очень длинным стволом и сошками.

Гэри быстренько отошел от сгрудившихся «шпионов» и независимой походкой проследовал внутрь бетонного строения.

Занявшие там позиции солдаты специального взвода смотрели на него с опаской и недоумением. Герберт выбрал себе одно из окон и, установив на подоконнике сошки, принялся ждать.

С холмов ударила переносная ракета. Она с шипением пронеслась над склонами и врезалась в крышу. В воздух полетели куски черепицы, а с низкого потолка посыпалась серая пыль.

Перепуганный водитель стал заводить тюремную машину, однако Ирэн вышвырнула его из кабины и вместе с еще двумя толстыми охранниками помчалась на правый фланг – защищать куст гигантского папоротника.

Герберт приложился к прицельной рамке, однако его правый глаз полностью заплыл и ничего не видел. Тогда он попробовал приложиться левым, однако так стрелять было еще неудобнее. Гэри вздохнул, поняв, что переоценил свои силы.

– Они идут! Они и вправду идут! – с истерическими интонациями в голосе прокричал кто-то из солдат взвода.

– Заткнитесь, трусы! – не слишком уверенно прикрикнул на него лейтенант.

Справа от Гэри слышалась возня, и у следующего окна примостился еще один доходяга. Криво улынувшись Гэри разбитыми губами, он с трудом взгромоздил на подоконник бронебойное ружье и представился:

– Ромарио Путос. Из Бенина...

– Апач из Рио-Капанаса, – буркнул Герберт, следуя совершенно излишним здесь правилам вежливости.

– Ну как дела, дружок? – слышалось слева. – Не возражаешь, если составлю тебе компанию?

– Нет, сэр, – ответил Гэри.

Это был один из пехотинцев. Кажется, его звали Роже, на его плечевом щитке были какие-то нашивки – Гэри плохо разбирался в званиях.

– Что-нибудь видишь? – спросил Роже, прикладываясь к прицельному устройству короткоствольного автомата. Калибр его оружия был таков, что в стволе могло поместиться куриное яйцо.

– Ничего не вижу, сэр, – признался Гэри и снова вздохнул.

– Я тоже ни хрена, – сообщил Роже. Он вытянул из рукоятки автомата тонкий проводок и воткнул его наконечник в разъем где-то у себя на затылке. – Ага, вот так лучше... Они уже близко, парень, не зевай.

Автомат Роже выдал короткую очередь, и цепочка ослепительно-белых шаров врезалась в силуэт, возникший из высокой травы метрах в тридцати.

Чтобы поддержать Роже и унять собственный страх, Гэри тоже нажал на спусковой крючок. Реактивная пуля с ревом унеслась в небо, и после этого все вокруг словно взорвалось. Разом загрохотали винтовки специального взвода, застучала автоматическая пушка танкетки, слышались громкие команды Ирэн:

– Внимание! Приготовиться к рукопашной!

«Какой рукопашной? Никого же нет... Наверное, мы всех убили...» – подумал Гэри. В этот момент будто десятки тяжелых молотов обрушились на стены строения, и все внутри и снаружи заволгло пылью. Прямо перед собой в оконном проеме Гэри на мгновение увидел силуэт и невольно отпрянул, тем самым сохранив себе жизнь.

Что-то невидимое рассекло воздух перед его лицом, а затем в этой пыльной мгле Роже скрестил с кем-то клинок. Только по рассыпавшимся зеленоватым искрам было понятно, где идет схватка.

Гэри выдернул из окна свое ружье и начал отступать к стене, пытаясь определить, где же враги. Среди мечущихся солдат специального взвода ничего нельзя было разобрать. Одни из них кричали, другие стреляли по сторонам, убивая своих, поскольку враги были закованы в надежные латы. То тут, то там раздавался леденящий душу свист рассекаемого воздуха, и люди падали на бетонный пол.

Вскоре сопротивление имперскому десанту оказывали только Роже да кто-то из его группы, присоединившийся к нему, и теперь только двое пехотинцев сдерживали натиск не менее полутора десятков десантников. Гэри заметил в окне силуэт и, подняв ружье, выстрелил. Бронебойный заряд вышиб имперца обратно на улицу и тем самым привлек к Гэри внимание других десантников.

Сразу несколько врагов бросились к нему с обнаженными клинками. Гэри, попятившись, нажал на спусковой крючок. Он споткнулся и, уже падая, продолжал как заведенный стрелять, пока чья-то огромная туша не припечатала его к полу.

Скоро снаружи здания снова разгорелась перестрелка, а потом завязалась рукопашная. Имперцы сражались достойно, стараясь не ударить в грязь лицом, однако войск Конфедерации становилось все больше. Сотрясая землю тяжелой поступью, примчались роботы и стали в упор расстреливать десант из своих лязгающих пушек. А когда на броне легких танков прибыла рота пехотинцев, имперский десант, неся потери, начал отступать к холмам, где вскоре за него взялась штурмовая авиация.

С трудом свалив с себя тело дюжего десантника, Герберт приподнялся с пола и огляделся. Вокруг шла деловитая суeta. Военные санитары с приданными им пехотинцами выносили из здания тела погибших. В основном это были солдаты специального взвода, убитые прорвавшимися имперцами.

Видя, что на него не обращают внимания, Гэри подумал, не сбежать ли ему, ведь он все еще остается приговоренным, однако в этот момент его заметил Роже.

– Эй, приятель, да ты жив! – обрадованно воскликнул он. – Ирэн, смотри, наш рекрут уцелел!

Женщина-офицер поднялась с какого-то ящика и, прихрамывая, подошла ближе.

– Ты не ранен, камрад? – спросила она участливо и дотронулась до плеча Гэри.

– Нет, мэм. Сегодня мне повезло.

– Тебе повезло вдвойне, потому что из всех, кто тебя здесь видел, никого не осталось. Мы не в счет.

– И что мне теперь делать?

– Поедешь в госпиталь. Роже, притащи ему какие-нибудь подходящие тряпки...

– Одну минуту! – отозвался Роже и исчез среди суетившихся бойцов похоронной команды.

– Тебе удалось уложить троих десантников, парень, – со значением произнесла Ирэн, присаживаясь на корточки. – А ведь это бойцы второго уровня...

Ирэн посмотрела на свой расколотый шлем, который зачем-то продолжала держать в руках, и отшвырнула его в сторону.

– Я одолела только двоих, четверо на счету сержанта Роже, но ты... – Ирэн хлопнула Гэри по плечу. – Ты молодец и заслуживаешь лучшей участи, чем расстрел... За что тебя, кстати, приговорили?

– Вы не поверите, мэм, но еще вчера вечером я был у себя на Тироле и отмечал с друзьями успешное завершение финансового года, а потом меня ударили, ограбили, бросили в ящик с цветочными луковичками и доставили на неизвестную планету. Потом били и спрашивали, как я проник на корабль, и

наконец привезли сюда, чтобы убить. Я так и не понял, за что...

– А вот и я, – произнес появившийся из-за пыльной завесы Роже. – Давай, примерь обновку.

С этими словами сержант подал Гэри залитую кровью, изорванную форму какого-то бедняги из специального взвода. Все знаки отличия Роже заблаговременно сорвал, чтобы нельзя было определить, к какому подразделению приписан владелец формы.

Под присмотром своих новых друзей Гэри натянул одежду, которая как нельзя лучше подходила к его разбитой физиономии.

– Волосы длинноваты, – заметила Ирэн.

– Нет проблем, – сказал Роже. Он обнажил свой страшный меч и споро, как заправский парикмахер, придал шевелюре Гэри нужный вид.

– Ну вот, теперь он подстрижен по нашей моде, – удовлетворенно кивнула Ирэн. – Ладно, пойдем отсюда, нужно еще пристроить тебя в санитарный транспорт.

Подхватив Гэри под руки, они вывели его на воздух.

Там их нашли Мактус и Кабалье. На их погнутых наплечниках были такие же знаки, как у Роже, и Гэри догадался, что они тоже сержанты.

– Он уложил троих, – сообщил друзьям Роже, кивая на Гэри.

– Вот так парень! – восхитился Кабалье, и они с Мактусом поочередно пожали герою руку.

– Эй, а как же скальпы? – напомнил Мактус.

– Чуть не забыл! – Роже хлопнул себя по шлему и снова умчался в бетонный барак. Через минуту он вернулся и показал Гэри разложенные на ладони три комплекта эмблем имперских десантников. – Вот, можешь приколоть на пояс.

Только не забудь снять их, если придется идти в бой. Имперцы таких любителей трофеев не жалуют.

– Тогда, может, не нужно?

– Нужно, – безапелляционно заявила Ирэн. – В госпитале тебе это пригодится.

– А что со мной будет, когда я вылечусь? – поинтересовался Гэри.

– Мы что-нибудь для тебя придумаем. – Ирэн устало улыбнулась. – Может быть, даже отправим домой... Если разыщем.

– Хорошо бы.

10

Поблескивая в лучах солнца Мериас подобно ниткам жемчужных ожерелий, стройные порядки кораблей 18-го Гвардейского легиона протянулись от ледяной планеты Уркас до соседки Куггеля – планеты Абай. Пока тыловые корабли терпеливо ожидали приказа о наступлении, передовые флотские подразделения волна за волной уходили в бой.

Стремительные «дудхаймы» и штурмовые «брифферы» имперских авиационных отрядов раз за разом пытались атаковать орбитальные батареи, которые простреливали все подходы к Куггелю.

Сжечь арсеналы орбитальных бастионов – о лучшем пилоты-штурмовики и не мечтали, однако «кронфоссеры» флота Конфедерации и злобные рои истребителей «динго» из Воздушной армии барона Хеддинга сводили на нет все их попытки.

Эскадрильи имперцев возвращались к своим многопалубным авианосцам сильно поредевшими, а им на смену на передовую уходили новые отряды.

Командующий 18-м Гвардейским легионом лорд Стромберг стоял на мостике флагмана с самым мрачным видом. Простая с виду задача – высадить десант на планету Куггель – оставалась неразрешимой, пока упрямые батареи Конфедерации многократно перекрывали своим огнем все подходы. Вступать в открытое столкновение с орбитальными бастионами было не с руки, поскольку они располагали «пушками Лаваля», имевшими значительно больший радиус действия, чем артиллерия 18-го Гвардейского.

«Ох уж мне эти конфедераты, вечно они что-то выдумают. Не угонишься за ними».

– Не угонишься за ними! – вслух произнес лорд Стромберг и повернулся к своими подчиненным. Размеры полукилометрового флагмана «Академик Первухин» позволяли строить рубки таких размеров, что в них легко умещались пара броневых автомобилей или две роты пехотинцев, однако на этот раз перед лордом Стромбергом стояли только офицеры.

Командующий собрал самых лучших и отчаянных, среди которых не было представителей дворянских родов. Свой авторитет и награды они заработали, рискуя жизнью и жертвуя своими товарищами.

– Итак, перед нами Куггель. – Лорд указал рукой на большое информационное панно. – Его артиллерийские бастионы достаточно прочны и очень опасны – «пушки Лаваля» пробивают борт эсминца с первого выстрела. Штатные авиационные подразделения не могут ничего с ними поделать и несут потери в борьбе с авиацией противника. Все, чего я хочу от вас, это сделать возможной высадку на Куггель. Я уже обещал Императору преподнести эту планету к Осеннему празднику, и я сделаю это, однако мне не хотелось бы приносить в жертву слишком много своих солдат. Итак, ваше слово, господа.

Первым шагнул из строя майор Бове, командир эскадрильи штурмовых «брифферов».

Козырнув командующему стальной перчаткой, он громко прокричал:

– Эскадрилья «Удар молнии» берет на себя два бастиона, сэр! Мы умрем, но выполним задание!

Следом за Бове выступил командир отряда из двухсот истребителей полковник Хансевич:

– Отряд «Желтые собаки» берет на себя три бастиона, сэр. Мои ребята не подведут.

Выслушав клятвенные заверения всех командиров, лорд Стромберг отпустил их выполнять задание. Офицеры быстро покинули рубку, перед командующим остался стоять только один.

Его глаза прятались за черными очками, на правой щеке был замечен глубокий шрам, а широкий черный плащ скрывал навесные электронные и механические агрегаты, которые составляли половину тела этого человека.

– Ну а ты, мой дорогой Моран, что ты пообещаешь своему лорду?

– Мне нечего обещать вам, увы. – Тонкие губы бригадира Морана растянулись в слабой улыбке. – Все бастионы уже разобраны, некоторые даже по два раза.

– Ты же знаешь, что им будет нелегко выполнить обещанное.

– Знаю, лорд Стромберг. Поэтому я доделаю работу тех, кому уж слишком сильно не повезет.

11

Истребитель бригадира Морана стартовал с платформы флагмана с большим опозданием, когда его коллеги уже унеслись к авиаматкам, находившимся в тысячах космических миль.

Даже для своих возможности его машины «М-7», внешне похожей на «дудхайм», пока являлись большим секретом. Поэтому Моран, чтобы не привлекать внимание операторов, добрался до авианосца за сорок минут, хотя мог сделать это значительно быстрее.

Посадочный манипулятор захватил машину бригадира в портовые крепления, а затем хвостом вперед вогнал в открывшуюся стартовую шахту.

Револьверный механизм шахты провернулся на несколько позиций, и истребитель оказался в залитой светом перезарядной ячейке.

Мысленным импульсом бригадир поднял колпак кабины и легко выбрался на крыло. При «мелкой» посадке, когда его системы не совмещались с системами управления истребителем, посторонней помощи ему не требовалось. Другое дело – «глубокая» посадка, которая использовалась для боевой работы. Тогда пилот-реконструктор становился частью тандема с общей нервной системой из оптических волокон и омываемой активной жидкостью сетью кровеносных сосудов. Датчики истребителя составляли зрение реконструктора, работавшее в спектрах сотен различных природных излучений и техночастот, а потому для боевого тандема не существовало неудобных целей.

Моран, прыгнув с крыла на пол, сбросил уже ненужный ему плащ и направился к выходу. Определив, что в боксе реконструктор, судовой чип-оптимизатор сократил освещение до минимума, поскольку таким, как Моран, свет был не нужен.

В длинном коридоре бригадира встретил главный механик.

– Какие распоряжения, сэр? – спросил он, глядя с полнейшим равнодушием на собранное из блоков существо, казавшееся без черного плаща абсолютным уродом.

– Полная заправка, Линд. Сегодня нам предстоит настоящая работа.

– Слушаюсь, бригадир.

Как только Линд шагнул в бокс, сейчас же зажглось яркое освещение.

Бригадир Моран добрался до своих апартаментов и вошел в большое помещение, по периметру которого на специальных стендах висели его боевые товарищи.

Их тонкие живые веки были прикрыты фасеточными экранами, по лицевым мышцам пробегали судороги, которые вызывались специальными разрядными устройствами. Таким образом остававшиеся у реконструкторов живые ткани поддерживались в необходимом тонусе.

Моран прошел на свое место и, устало поворачивая плечевыми шарнирами, встал спиной к стенду. Как только стыковочные соединения плотно вошли в крепежные гнезда, стенд поднялся, и Моран свободно повис, расслабив механические и живые члены.

Веки бригадира опустились, однако он все еще видел экран, на котором отображались и характеристики его собственных составных частей, и ситуация на театре военных действий.

Виртуальной рукой Моран открывал нужные ему каналы, что-то запоминал, что-то рассылал другим реконструкторам.

Давая своему комбинированному телу отдохнуть и зарядиться, он не мог позволить себе устраниваться полностью, поскольку был командиром пока что уникального и чрезвычайно секретного подразделения.

12

Приказ выступить пришел, по мнению Морана, слишком поздно, когда разрозненные остатки авиационных подразделений на дымящихся двигателях откатывались назад. Уцелело не больше четверти кораблей, если не меньше, но зато они сумели уничтожить двенадцать из двадцати четырех бастионов и серьезно повредить еще несколько. Между тем сотни десантных судов и грозных крейсеров все еще стояли без дела, и их команды уже устали бояться и ждать. Боевой дух войск падал, и это было хуже всего.

Получив пакеты самой свежей информации, Моран включил сигнал тревоги. Механизмы стендов зажужжали и один за другим начали опускаться.

Сто три пилота-реконструктора, не обменявшись ни словом, отправились к своим машинам. Полетные задания были уже при них, и каждый пилот знал ситуацию на фронте.

Семеро свернули в отдельный блок – во время предыдущего тестирования у них были выявлены неполадки. Теперь им предстояли долгие процедуры, возможно, даже замена блоков.

Остальные девяносто шесть пилотов залезли в свои «М-7» и под контролем одетых в белоснежные халаты механиков начали соединение с системами истребителей.

Оптические разъемы входили в гнезда, активная жидкость наполняла синтетические капилляры, и пилоты вспоминали ощущения своего большого тела. Они двигали стволами плазменных пушек, запускали под обшивкой нагнетатели и пощелкивали механизмами подачи, проверяя количество боеприпасов.

Поглядывая на свой виртуальный экран, бригадир Моран заметил, что еще трое его подчиненных сошли с дистанции. Какие-то неполадки с совмещением – такое тоже случалось.

«Внимание, приготовиться!» Эту команду никто не произносил, она пролетала сухим программным кодом.

«Старт!»

Включилась подача револьверного механизма, и «М-7» один за другим начали выстреливать за борт.

Моран прибавил двигателю тяги и еще раз взглянул на линию соприкосновения противных сторон. Имперские ракетные крейсеры пытались обстреливать бастионы с дальних дистанций, однако их ракеты легко перехватывались судами поддержки, которые как могли опекали космические батареи. Возле корпусов поврежденных бастионов крутились ремонтные манипуляторы, а с тыльной стороны их загружали новыми батареями-накопителями и кассетами зенитных ракет.

Видимо, из упрямства лорд Стромберг послал еще пару сотен «брифферов», однако было видно, как с орбиты Куггеля подтягиваются истребители Конфедерации, чтобы встретить противника. Можно было не сомневаться, что к подходу эскадрильи Морана с «брифферами» будет покончено.

При необходимости «М-7» могли легко обогнать штурмовики, используя свой козырь – «прыжок», и первыми вступить в бой, однако приказ оставался прежним – как можно дольше не открывать противнику свои возможности.

«Вижу около сотни «дудхаймов». Идут полным ходом, время подлета двадцать три минуты!»

Это был перехват переговоров конфедератов, предоставленный одним из разведывательных судов. Не рискуя заходить в простреливаемое пространство, разведчики запускали в него буи-шпионы.

«Двадцать три минуты, как же!» – мысленно ухмыльнулся Моран, на долю секунды становясь человеком. Несмотря на все старания специалистов, отдельные ненужные функции в нем оставались. Впрочем, как командиру, ему приходилось отчитываться перед начальством, и тогда человеческий опыт общения, а значит, и мышления был ему необходим.

«Кто-нибудь, соберите группу для удара по «дудхаймам»!»

«Не волнуйтесь, «станция», сейчас пойдет триста сорок вторая эскадрилья...»

«Ну, тогда я спокоен».

Моран снова усмехнулся. Откуда-то возник образ женского лица. Бригадир сейчас же стер его – этой женщины он не помнил.

Итак – первостепенные цели. На виртуальном экране стали появляться их названия: бастионы «БС-68», «БС-67», «АС-14», «АС-87». Они имели самые большие повреждения и представляли собой наиболее легкие жертвы.

Данные мгновенно транслировались всем пилотам, и эскадрилья перестраивалась в четыре группы.

При разделении учитывались личный рейтинг и техническое состояние каждого на момент вступления в бой.

Тем временем истребители Конфедерации безо всякой спешки накапливались в точке сбора. Их время подхода к бастионам не превышало пяти минут, поэтому они были уверены, что есть возможность «покурить».

«Приготовиться...» – прошла команда Морана.

Сотовые маховики затряслись от напряжения, разгоняя в своих кольцах потоки материи.

Не будь чудовищных перегрузок в самом начале «прыжка», его бы легко повторили и обычные пилоты, однако пока только имперским инженерам удалось подобрать нужные пропорции реконструкторов, чтобы пилотов не разрывало на части при «прыжке» и они сохраняли гибкость человеческого ума, столь необходимую при ведении боя.

«Старт!» – скомандовал бригадир, и энергия резко заторможенных маховиков швырнула истребители на четыреста космических миль.

Выйдя из «прыжка», Моран пару мгновений работал на автоматике, а когда сознание вернулось к его живому мозгу, прицельная панорама уже была настроена на «БС-67».

Напуганные внезапным появлением противника, артиллеристы бастиона стали спешно разворачивать зенитные башни, однако несколько сделанных второпях залпов унеслись в черноту космоса.

Сканер указал самое слабое место станции, и Моран мысленным приказом отстрелил из шахт две скоростные ракеты. Одновременно с ним то же сделали и его товарищи.

Рой ярких огоньков понесся к бастиону и скоро начал рвать его корпус. Зенитные противоракеты были пущены с запозданием, станция, содрогаясь от взрывов собственных арсеналов, быстро умирала.

Красиво развернувшись, группа Морана оставила позади растерзанную жертву и рванулась к «АС-19», на корпусе которой блестили еще не покрашенные свежезамененные броневые пластины. Впрочем, это уже не могло ее спасти.

Сначала по объекту ударили скоростными ракетами, а затем «М-7» Морана тяжело качнулся, выпустив из бомбового люка необычный снаряд. По виду это была однотонная бомба овальной формы – почти гарантированная жертва зенитной ракеты, однако скоро корпус устройства разделился на две части, которые стали расходиться и натягивать между собой светящуюся нить.

«Струна!» – донес разведчик вопль вражеского наблюдателя, понявшего, чем это грозит. Будь поблизости истребители, они бы могли отвести угрозу, расстреляв натяжители, в которых находились элементы питания моноструны, однако авиация была еще далеко и тщетно сжигала сопла, пытаясь успеть к своим гибнущим станциям.

Когда струна достигла цели, ее натяжители уже разошлись на сто метров. В месте первого разреза брызнули искры, а затем конструкция поддалась, и струна вышла с другой стороны рассеченной станции, угрожая замешкавшемуся крейсеру.

Казалось, что с бастионом ничего не произошло и он не потерял своей целостности, однако в следующую секунду его части раскрылись, извергнув в космос пар и технические газы, а затем и огонь взорвавшихся арсеналов.

13

Когда истребители 342-й эскадрильи наконец добрались до места трагедии и вступили в бой с группой Морана, защищать им было уже нечего. Три уцелевшие артстанции не могли сдержать противника, и армада 18-го Гвардейского легиона неотвратимо приближалась, выстраиваясь в некое подобие подковы.

«Кронфоссеры» защитников планеты не могли тягаться с «М-7», однако группа Морана несла досадные потери. То один, то другой его пилот вскрикивал в эфире полным боли голосом, когда раскаленные болванки пушечных снарядов

прошивали его машину, словно живую плоть.

Поверх свалки авиационного боя артиллеристы уцелевших станций продолжали вести огонь по несущимся навстречу крейсерам. «Пушки Лаваля» проделывали в их корпусах огромные пробоины, однако скоро дистанция сократилась, и крейсера изготовились к ответному залпу.

«Уходите», – прозвучало на кодовых каналах пилотов-реконструкторов, и все, кто уцелел, почти одновременно выскочили из боя.

В следующее мгновение в гущу замешкавшихся «кронфоссеров», уцелевших станций и судов поддержки врезался шквал плазменных зарядов, в доли мгновения разметав все на своем пути.

Сгустки распадающейся материи ударили в атмосферу Куггеля и вызвали на ее поверхности расходящиеся круги, словно от брошенных в воду камней. Моран еще наблюдал эту картину, когда одновременно с сигналом опасности что-то больно ударило его в грудь. Случайно залетевший разведывательный зонд врезался в корпус его «М-7» и едва не пробил в нем брешь.

Показатели совместимости с машиной резко пошли вниз, однако контроль над истребителем не был потерян, и бригадир Моран, борясь с болью, продолжил вести группу домой.

Мимо океанскими волнами прокатывались пришедшие в движение транспорты с десантом. Казалось, им нет конца, это напоминало миграцию рыбного косяка.

– Бригадир Моран? – раздался голос командующего.

– Слушаю, сэр.

– Это было великолепно.

– Мы старались, сэр.

Прорвавшиеся в атмосферу Куггеля подразделения противника встретила Воздушная армия барона Хеддинга. Его «кронфоссеры» и «динго» были выкрашены в черный и желтый цвета, а потому напоминали ядовитых гадов, готовых напасть даже на самую крупную добычу.

Вновь брошенные вперед штатные эскадрильи имперских «дудхаймов» не успевали за местными асами, и те легко прорывались к беззащитным и неповоротливым транспортам, вбивая в их борта неуправляемые снаряды и цепляя донные мины, которые прошибали корпуса направленными взрывами.

Рубеж орбитальных бастионов был преодолен, и все же десант имперских сил нес потери. Однако количество наступавших было таким огромным, что, несмотря на умелые действия Воздушной армии, живая сила и бронетанковые подразделения имперцев уже готовились высадиться на планету.

– Я Двадцать седьмой, атакую «курятник»! Кто со мной?

– Я – Двадцать четвертый!

– С вами Тридцать второй!

Три ядовито раскрашенных «кронфоссера», выполнив переворот, провалились на пять тысяч метров и, отпугнув увязавшиеся за ними «дудхаймы» залпами из автоматических пушек, вплотную подобрались к прикрепленным к подвескам роботам «фуэте». На земле это были настоящие боевые платформы, несшие на себе по сорок тонн одних только вооружений и боекомплекта. Здесь же, на подвесках специального транспорта, такого огромного, что с ним ничего не могли поделаться даже двухступенчатые зенитные ракеты, «фуэте» были уязвимы и больше напоминали уродливых цыплят с длинными ногами.

Пилот 27-го навел прицел на коленное сочленение одного из роботов и дал залп четырьмя неуправляемыми ракетами. Сильный взрыв оторвал роботу ногу, и та полетела вниз, сделав бронированную машину небоеспособной.

24-й и 32-й тоже отстрелялись неплохо, однако им повезло меньше и их мишени остались с ногами.

Через мгновение на дерзкую троицу навалились два десятка имперских «дудхаймов», и пилотам Воздушной армии пришлось ретироваться. Хотя имперские пилоты-клоны и были слегка туповаты, при численном преимуществе они умели не промахиваться.

Соединившись с небольшой группой своих, «кронфоссеры» барона Хеддинга атаковали еще один «курятник», но затем по общему приказу имперцы начали десантировать роботов.

Это больше напоминало массовое самоубийство бескрылых птиц. Растопырив ноги, они отрывались от транспортов и, управляемые небольшими стабилизаторами и рулевым парашютом, неслись к земле. Толстые колодки тормозных двигателей на ногах до поры молчали, им предстояло включиться на последнем километре.

Десятки, сотни и вскоре уже тысячи «фуэте» медленно выруливали в заданные точки материка, чтобы при посадке не посыпаться на головы друг другу.

«Кронфоссеры» еще пытались помешать им, однако теперь «фуэте» были не так беззащитны и могли распоряжаться пулеметами и автоматическими пушками.

Несколько «кронфоссеров» протаранило падающими машинами прямо в воздухе и еще несколько получили повреждение от их пушек. После этого подразделения Воздушной армии вернулись на свои скоростные авианосцы, чтобы поскорее раствориться в космосе.

Битва за небо Куггеля была проиграна, следовало готовиться к новым боям.

Одну спокойную ночь Герберт Апач провел на небольшом перевалочном пункте для легкораненых, где его не били, давали полезные таблетки и кормили

ужином. А когда замечали на его поясе «засушенные головы», как называли знаки отличия, снятые с убитых врагов, давали еще больше таблеток и почитали за честь дотронуться до Гэри, чтобы зарядиться от него воинской удачей.

Наутро автопоезд из трех длинных кунгов, заполненных полутора сотнями раненых, шестью охранниками и девятью медицинскими работниками, взял курс на север, к упрятанным в горах убежищам, специально подготовленным на случай захвата Куггеля. В том, что захват близок, никто уже не сомневался. Говорили, будто 18-й Гвардейский легион состоит из ста тысяч кораблей и ждет только хорошей погоды на материке, чтобы высадить свои несметные полчища.

Гэри не знал, чему верить, и, слабо разбираясь пока в местной обстановке, предпочел радоваться тем улучшениям в своей жизни, которые уже произошли.

Помимо хорошей еды и чистого белья, к улучшениям относилась и майор медицинской службы Навински. Это была блондинка лет двадцати пяти, стройная, с синими проникновенными глазами и чуть припухлыми губками. Она выглядела стопроцентной секси и числилась самым главным офицером во всем автопоезде, поэтому именно к ней все обращались с возникавшими проблемами.

Навязчивого внимания со стороны пациентов и охраны доктор Навински не замечала, без сомнения давно к этому привыкнув. Не замечала она и улыбок Гэри Апача, который при ее приближении старался принять такую позу на своей койке, чтобы были видны пришпиленные к поясу героические трофеи.

– Как вы себя чувствуете, рядовой Апач? – спрашивала она своим мелодичным голосом, дотрагиваясь до его руки и участливо склоняя голову.

– Хорошо, мэм. Большое спасибо, мэм! Вы знаете... – Гэри собирался задать какой-нибудь дурацкий вопрос, но майор Навински уже обращалась к следующему пациенту со столь же участливой интонацией:

– Как вы себя чувствуете, капрал Дворжек?

Гэри только вздыхал. У него были и другие причины для беспокойства: несколько раз его спрашивали, в порядке ли у него имплантаты и дублирующие пары. Поначалу Гэри только отрицательно мотал головой, не понимая, о чем идет речь, и лишь потом стал примечать жалобы других пострадавших:

– Я чувствую жжение в локте, мэм, может, это шарнирный дублер окислился?

– Не выдумывайте, материалы шарниров не окисляются.

– Тогда проверьте зрительный имплантат, сегодня утром в правом глазу у меня были помехи и пропал цвет!

После подобных жалоб пациентов обследовали разными сложными приборами, которые подсоединяли с помощью разъемов. Почти у всех они располагались в основании черепа, и только у некоторых, не особенно развитых, проверка производилась с помощью датчиков, наклеиваемых прямо на кожу.

В условиях такого всеобщего усовершенствования Гэри Апач в конце концов начал чувствовать себя неполноценным. С другой стороны, он с детства боялся крови и не представлял, как это в него, живого человека, вдруг зашили бы какие-то телефоны или инфракрасные передатчики.

С краткими остановками на дозаправку автопоезд продолжал двигаться. После полдника, состоявшего из фруктового желе и мятных галет, Гэри самостоятельно сходил в туалет, где чуть не упал, когда кунг подскочил на небольшой кочке.

Вернувшись на свою койку, он обнаружил доктора Навински совсем рядом, возле своего соседа, ночного разведчика Байферса.

– Плохо дается режим «первого зрения», мэм, – жаловался тот. – Сканер еще ничего, но вот «первое зрение» просто проседает. Я что же, не смогу теперь работать, мэм?

В глазах солдата, созданных по специальным военным проектам, стояли самые настоящие слезы.

– Не торопитесь списывать себя, Байферс. Когда в последний раз вы заменяли элементы питания?

– Четыре года назад, мэм. Я могу ходить с ними еще два года, так написано в инструкции.

– Инструкции все время меняются, – уверенно заявила несравненная доктор Навински и чуть шевельнула бровями, отчего Гэри просто умилился. Кроме того, он заметил, что на щеках этой прелестницы иногда появляются ямочки. От этого открытия Гэри просто бросило в жар. Он обожал ямочки.

Доктор Навински позвала сонного санитары, и тот принес набор новых элементов питания.

Очень тонким инструментом, которым доктор Навински мастерски владела даже в условиях дорожной тряски, она извлекла из-под века Байферса элементы питания и, мельком взглянув на них, фыркнула:

– Но это же «Сириус-Б», Байферс! Им лет семь, не меньше!

– Этого не может быть, мэм, – не слишком уверенно возразил разведчик.

– Да? А контузий у вас не было?

– Была, мэм. Она записана в моем медицинском досье.

– Значит, это из-за потери памяти вы и не можете вспомнить, как долго стоят эти элементы... Я заменю их на «Бета-Орион». С ними вы запрыгаете, как земляной заяц.

– Как скажете, мэм, – согласился Байферс.

Несколькими отточенными движениями майор медицинской службы поставила на место новые элементы питания и спросила:

– Ну как теперь?

– О! Совсем другое дело, я действительно как земляной за... – Договорить разведчик не успел, потому что потерял сознание.

– Что такое? – удивленно произнесла доктор Навински. – Ну-ка, переверните его на живот, Флемминг, нужно проверить программный пакет.

Санитар перевернул бесчувственного пациента, и доктор Навински быстро подключила Байферса к тестирующему прибору.

– Ну, так и есть, программы, драйверы – все древнее древнего. Новые элементы питания просто подавляют активность его мозга... Давайте новый пакет, Флемминг.

Санитар подал тонкую пластиночку, и доктор Навински, вставив ее в тестирующий прибор, обновила программы разведчика Байферса.

После перезагрузки пациент открыл глаза и самостоятельно перевернулся на спину.

– Спасибо, док, – произнес он с чувством.

– На здоровье, Байферс, – сухо ответила Навински. – Не забывайте менять батарейки.

16

Круглый передатчик, висевший на поясе майора медслужбы, тревожно застрекотал.

– Доктор Навински слушает, – ответила она, грациозно отставив в сторону стройную ногу. Апач, Байферс с обновленным зрением и еще несколько солдат свесились со своих коек, чтобы лучше рассмотреть плавный изгиб бедра.

– Куда, прямо к нам?! – В голосе Навински слышалась тревога. Даже сонный санитар Флемминг – и тот наострил заросшие волосами уши.

– «Фуэте»?! – пронзительно переспросила майор Навински и бросилась к окну подпрыгивающего кунга. Одновременно с ней к окнам припали все остальные, надеясь развеять ужасные опасения.

«Наверное, птицы, – подумал Герберт, бросив взгляд на испещренное черными точками небо. – Это птицы, только большие».

И тут весь кунг заорал, как одна хриплая глотка:

– «Фу-э-те»!!!

Водитель кунга, старый санитар с имплантированным в глаз дальномером, пригнулся к самой панели и, переключившись на повышенную передачу, погнал тяжелый автомобиль на максимальной скорости, которую тот мог выдать.

Шедшие следом два других кунга тоже прибавили и, спасаясь от пыли, стали расходиться веером.

Черные точки становились все заметнее, и скоро многие из них окутались ярким пламенем, из чего Гэри заключил, что «фуэте» подбиты.

– Их уничтожили, они горят! – крикнул он.

– Не горят, – покачал головой мудрый Байферс. – Просто тормозные двигатели включили, чтобы не расшибиться об землю...

– Крепче держитесь! Еще немного, и мы проскочим! – объявила доктор Навински, однако на последнем слове ее голос дрогнул, и стало ясно, что сама она уже распрощалась с жизнью. Однако самообладания ей было не занимать. – Охрана, к бойницам! – приказала она строго.

Трое неуклюжих солдат из сопроводительного отряда пробрались между коек и, распахнув круглые задвижки, выставили наружу стволы штурмовых винтовок, приготовившись честно отражать нападение бронированных чудовищ.

Первые из них уже обрушивались на землю, поднимая тучи пыли струями тормозных двигателей. Гэри, непривычному к таким вещам, снова показалось, что «фуэте» пришел конец, однако это было не так. Скоро их очертания прорезались сквозь пыльную завесу, и первые пристрелочные снаряды взрыли землю по обе стороны от несшегося к горам кунга.

– Держитесь крепче! – снова посоветовала доктор.

– Ага, – поддержал ее Байферс с угрюмой усмешкой. – Держись за свои яйца, Гэри, чтобы они не улетели слишком далеко, когда «фуэте» шарахнет по нам из штатного...

– Из чего «штатного»? – растерянно спросил Гэри.

– Из стопятидесятимиллиметрового.

В этот момент недалеко от кунга в небо взметнулись столбы вывороченной земли, и Гэри понял, о чем говорил Байферс.

– Стреляйте, чего вы ждете! – закричала доктор Навински, и охранники открыли огонь из винтовок. Куда они стреляли, было непонятно, потому что все вокруг скрывалось в дыму и пыли, а появлявшиеся из сплошной пелены серые бока роботов казались такими неуязвимыми, что привлекать к себе внимание стрельбой, по мнению Гэри, было просто неразумно.

«Наверное, мы все же проскочим. Или уже проскочили. Эти твари заблудились в дыму», – успокаивал он себя, вцепившись в койку, поскольку медицинский кунг мчался с бешеной скоростью. Каково же было изумление Гэри, когда ветер отнес в сторону пыльную завесу и он увидел, что целое стадо «фуэте» – именно стадо, как еще иначе сказать? – мчится параллельно автопоезду, ничуть не отставая от своих потенциальных жертв.

– Стреляйте! – снова крикнула Навински, и Гэри с удивлением обнаружил, что забыл о ее существовании, увлеченный скачкой огромных монстров.

Он видел, как тяжелые пули штурмовых винтовок выбивают из брони желтоватые искры, а в ответ «фуэте» бьют по кунгам короткими очередями из автоматических пушек.

Несколько снарядов врезалось в крышу, осколки острого пластика брызнули по салону, легко ранив нескольких человек, и без того уже раненных.

Две пули выбили стекло, и в салон ворвался горячий, пропахший высохшей травой воздух, а еще стал слышен надсадный вой двигателя. Обошедший их машину второй кунг неожиданно разломился на две части, и его обломки вместе с находившимися в них людьми рухнули под колеса автомобиля, в котором находился Гэри.

Последовал сильный удар, но кунг не остановился, и погоня продолжалась.

Впереди появились откуда-то еще несколько роботов, они мчались наперерез, две уцелевшие пока машины стали совершать опасные маневры, каждую секунду рискуя опрокинуться. Крупные снаряды их пока миновали, однако все больше доставалось от пулеметов и автоматических пушек.

– Внимание! Всем держаться! – Это был крик старого санитары, который то и дело прищуривал глаз, оснащенный лазерным дальномером. На пути машины, уже совсем близко, стоял «фуэте», и только водителю было известно, что делать в этой безвыходной ситуации.

Казалось, теряющий обломки медицинский грузовик должен был остановиться и сдаться на милость победителей, однако он разгонялся все сильнее, и в какой-то момент Гэри подумалось, что сейчас они просто врежутся и все будет кончено.

Однако они успели.

Машина со скрежетом протиснулась между ногами робота и понеслась дальше, а вторая, пытаясь повторить этот маневр, врезалась в «фуэте» и свалила его на землю.

Что там произошло дальше, Гэри не видел. Наверное, ничего хорошего, только пламя и взрывы.

А вот горы, к которым стремился их уцелевший грузовик, были совсем близко. Может быть, пять или даже три километра.

«Значит, оторвались!» – обрадовался Гэри, но, оказалось, поспешил – в ту же секунду страшный удар потряс машину, и там, где была видна согнутая спина санитары-водителя, не оказалось ничего – даже кабины и передних колес.

Какое-то время кунг еще двигался по инерции, загребая в пролом сухую глину, но затем остановился, и стало слышно только завывание ветра да гулкий стук шагов тяжелых роботов, которые спешили к обездвиженной добыче.

Они могли расстрелять ее издалека, однако пилоты не делали этого, желая немного поиграть.

А горы были совсем рядом – каких-нибудь пятьсот-шестьсот метров.

– Обидно, – спокойно произнес Байферс. – Только новые батарейки поставили.

Раненые, те, что находились в передней части кунга, начали выпрыгивать в образовавшуюся брешь. Один за другим они бежали кто как мог в сторону спасительных гор, однако преследователи были совсем близко. Застучали пулеметы, люди стали падать. Некоторые из бронированных монстров просто сбивали несчастных с ног, а затем давили опорами, словно букашек.

– Пошли-ка и мы попытаем удачу, – предложил Байферс, и Гэри послушно шагнул за ним.

Протиснувшись между сгрудившимися ранеными и санитарями, они подошли к пролому. Увидев «фуэте», стоявший в десяти метрах от машины, Герберт невольно схватил разведчика за руку.

– Какой же он огромный! – замороженно произнес он. По правде говоря, он не вполне понимал, что предлагает Байферс. Что это значит – попытать удачу?

В это мгновение совершенно неожиданно для горстки перепуганных людей на вершине самой высокой горы сверкнула вспышка. Яркая точка прочертила небо дымным следом, который закончился чудовищным взрывом. Один из роботов разлетелся в клочья.

Вслед за первым выстрелом ухнул второй, третий, потом еще несколько.

Совсем рядом рухнул робот, потерявший ногу, из него выскочил пилот и, прихрамывая, побежал, надеясь укрыться под защитой своих товарищей.

– Ну-ка дай! – крикнул Байферс одному из охранников и, схватив его винтовку, быстро прицелился.

Раздался выстрел, пилот упал.

По горам начала работать штурмовая авиация имперцев. «Брифферы» на низкой высоте сбрасывали свои бомбы и сразу уходили вверх, сопровождаемые злобным шипением зенитных ракет.

Ждать дольше было нельзя, поэтому Байферс, Апач и все остальные решились на бросок.

Они выскочили из-под полуразвалившегося кунга и побежали, хромя и спотыкаясь, к горам.

17

До зеленого кустарника у подножия гор добрались только двенадцать человек.

Они укрылись в русле пересохшего ручья и какое-то время пережидали бомбардировку «брифферов». Когда налет кончился, вся группа, возглавляемая майором Навински, стала подниматься по крутому склону. На небольшой площадке, прикрытой со стороны долины скалой, беглецы остановились, чтобы перевести дух.

Доктор Навински сейчас же взялась поправлять повязки тем, у кого кровоточили раны, а санитар Флемминг, ухитрившийся добраться до гор, несмотря на кажущуюся сонливость, раздал питательные таблетки, которых у него были полные карманы.

С юго-запада слышался свист турбин, бывалые солдаты переглянулись.

– Десант, – сказал Байферс.

– Как некстати, – заметила Навински.

– Лучше переждать здесь. Если они увидят нас на скалах, перещелкают, как птичек.

– А чего нам здесь ждать? – спросил Гэри, чувствуя себя на каменистом пяточке не очень уютно.

– Кто-нибудь из наших должен сюда спуститься. Они же видели, что мы добрались до гор.

Байферс оказался прав. Через несколько минут из неглубокой расщелины вылез человек в форме военного полицейского. У него было на удивление невыразительное лицо и какие-то замедленные движения.

– Тут рядом... – сказал полицейский. – Совсем недалеко...

Он повернулся и снова исчез в расщелине.

– Давайте, мэм, ползите первой, а ты, Апач, следом за ней, – распорядился Байферс, и с ним никто не стал спорить, тем более Герберт, которому выпадала возможность совершенно легально дотрагиваться до майора медицинской службы.

И действительно, пару раз, когда впереди что-то затормаживалось, Гэри будто бы случайно прикасался к Навински, и ему даже казалось, что ей приятны эти прикосновения.

Наконец показался дневной свет, и удовольствия закончились.

Гэри подали руку, он почувствовал ладонью стальной манипулятор. Помогавший ему подняться человек улыбнулся Гэри как старому знакомому и представился:

– Хенесс, полковник военной полиции.

– Герберт Апач... э-э... солдат, – ответил Гэри, однако Хенесс на его представление никак не среагировал и уже подавал стальную руку следующему,

повторяя как заведенный:

– Хенесс, полковник военной полиции...

Отряхнув запыленную одежду, Герберт улыбнулся доктору Навински, однако та отвернулась, озабоченно оглядывая высокие каменные стены.

Прямо в их толще было проделано несколько ходов, своды которых хранили следы каменных резцов. Можно было не сомневаться, что здесь находилась горная база местных сил обороны.

Скоро все беглецы благополучно преодолели расщелину, последним на свет выбрался разведчик Байферс.

– Нам очень повезло, – сказал он Апачу, – что мы попали к этим ребятам. Здесь мало разговаривают и много делают. Это военные полицейские, усекаешь?

– Ага, – кивнул Гэри, хотя ничего не понял.

– Сегодня, как стемнеет, я пойду в ночную разведку, ведь это моя работа. Хочешь со мной? Судя по твоим трофеям, тебе ножик в руки не давай.

Гэри в ответ только глупо улыбнулся.

– Какие режимы держат твои имплантаты? «Сканер», «ультрафиолет»?

– У меня нет имплантатов, – виновато ответил Гэри.

– Что значит нет? А как же эти побрякушки? – Байферс потрогал висевшие на поясе Гэри знаки, снятые с имперских десантников. – Ты хочешь сказать, что добыл их голыми руками?

– Не голыми. У меня было оружие... «Полностью автоматическая бронебойная система», – в точности повторил Гэри слова Ирэн.

– И ты просто так стрелял в десантников, а они давали тебе прицелиться? – с сомнением спросил Байферс.

– Нет, все было в дыму, и стрелять приходилось в упор...

– Значит, ты мог видеть в дыму обыкновенными глазами? Сдается мне, ты чего-то недоговариваешь, приятель.

– Все, уходим! – скомандовал полицейский полковник Хенесс, поскольку в небе снова показались «брифферы». Рассмотреть беглецов в узком каменном колодце они не могли, однако задерживаться здесь не имело смысла.

Один за другим все уцелевшие из медицинского автопоезда вошли под своды пещер и, сопровождаемые военными полицейскими, продолжили спуск в глубь горы.

Пол в неосвещенных туннелях был довольно ровный, но не везде. В какой-то момент Гэри, который ничего не видел, споткнулся и, падая вперед, за кого-то ухватился. Каково же было его изумление, когда он услышал сердитый голос майора Навински:

– Эй! Как вас там – Апач! Вы меня в расщелине всю облапали, а теперь еще и тут!

Гэри отшатнулся и налетел на шедшего следом Байферса.

– Да ты малый не промах, – сказал разведчик. – Говори теперь, что в темноте не видишь. Небось «турбо-джет» в полной готовности?

– Что в полной готовности?

– Ладно иди, Гэри, и сделай милость, не щупай пока мисс Навински. Все ж таки она майор.

Еще не стемнело, когда группа беглецов в сопровождении полувзвода военных полицейских добралась до огромных пещер природного происхождения. С высокими потолками и проточными озерами чистой воды, они казались идеальным местом для убежища.

Помимо вновь прибывших, здесь уже находилось не менее тысячи человек. В основном это были легкие пехотинцы, однако попадались и пилоты со сбитых «кронфоссеров», угрюмые спецназовцы, занятые бесконечной чисткой своего оружия, и даже какие-то подозрительные субъекты, слонявшиеся без дела и заглядывавшие в лицо каждому.

Отдельной кучкой держались представители тяжелой пехоты. На взгляд Гэри, они ничем не отличались от огромных военных полицейских, с той лишь разницей, что в качестве дополнительного оружия у тяжелой пехоты имелись раздвижные мечи, а полицейские располагали виброрезаками.

В отличие от их более легких собратьев, у тяжелых пехотинцев руки были сплошь из заимствованных материалов. Целая бригада тщедушных человечков-механиков проводила осмотр и ремонт механических запчастей тяжелой пехоты.

Кому-то заменяли разбитый осколком шарнир, другим тарировали сбитые контузией дальномёры и всем без исключения заливали в узлы свежее масло.

Чуть в стороне, прижимая к груди драгоценный металлический сосуд, стоял смазчик. Он был перепачкан с ног до головы, как и положено смазчику, однако при этом от него исходил восхитительный цветочный аромат, сразу напомнивший Герберту родной дом.

– Чем это пахнет, Байферс? – спросил он, останавливаясь.

– Красным маслом, дружище. Самым что ни на есть драгоценным продуктом в нашей войне.

– Расскажи мне о нем побольше.

– А чего тут рассказывать? Небось сам все знаешь.

– Позабыл из-за контузии, – соврал Гэри.

– Ладно, расскажу. Я тебя понимаю, сам был в такой ситуации... Одним словом, маленькой капельки красного масла хватает, чтобы защитить трущиеся детали, и они лучше сохраняются. Когда колонна войск Конфедерации в горах или в лесу уходит от преследования имперских сил, наши делают вдвое меньше остановок, а имперцы вынуждены отдыхать чаще.

Герберт не удержался и, подойдя к хранителю сосуда, сказал:

– Как от вас чудесно пахнет. Просто настоящими кинацентами.

– Какими такими кинацентами? – спросил смазчик.

– Кинаценты – красные цветы юга.

– Про цветы не знаю, но пахнет от меня красным маслом. Я восемь лет смазчиком работаю, пропитался весь.

– Я думаю, что это масло как раз и получают из луковиц кинацентов.

– Про это мне ничего не известно, парень. Я человек маленький.

Оставив смазчика в покое, Гэри вернулся к Байферсу, который уже нашел место возле одного из костров. Дым от них поднимался к высоким потолкам растворялся в путаных коридорах.

Между тем разговор Гэри со смазчиком не ускользнул от невзрачного человека, который вместе с другими своими коллегами выполнял вполне определенную задачу.

Проследив, возле какого костра остановился Гэри, соглядатай скрылся в одном из боковых коридоров и, пробежав по освещенной галерее, толкнул тяжелую дверь.

– Почему без стука, Панфайтер? – воскликнул майор Департамента безопасности Курш и бросил на стол игровые фишки.

Панфайтер никогда не видел своего начальника без кителя, однако совсем не удивился, заметив на обнаженной груди майора объектив фенокамеры. Такие имплантаты ставились только высоким чинам Департамента безопасности, чтобы повысить их проницательность и способности к анализу человеческой психологии.

Партнер Курша по игре в «балду», человек в черном френче, напротив, был застегнут до самого кадыка и молча взирал на шпика, ожидая, что тот сообщит.

– Прошу прощения, сэр, но только что в пещере была произнесена ключевая фраза.

– Какая же? – тихо спросил человек в черном френче. Это был известный префектор Магнус.

– «Кинацинты, красные цветы юга».

Услышав эти слова, префектор резко поднялся, переглянулся с майором Куршем, и оба они многозначительно покивали.

– Где человек, который произнес эти слова?

– Сидит и греется у костра...

– Хорошо. Возьми Эбота и Гагауза и под каким-нибудь предлогом приведите его сюда. Только незаметно, не привлекая к себе внимания.

– Конечно, сэр.

Панфайтер повернулся было, чтобы уйти, но замешкался.

– Что еще? – нетерпеливо спросил Курш, которому хотелось по-быстрому закончить партию.

– Помните доктора Навински, сэр? Ту блондинку из медицинской службы? Вы еще спорили с майором Тацу, кто раньше опробует на ней свой «турбо-джет».

– Ну так и что?

– Она здесь...

– Здесь?! – На этот раз Курш и Магнус вскочили из-за стола одновременно.

– Вот что, – сказал префектор, – сначала работа.

– Да, – согласился с ним майор Курш, надевая китель. – Сначала работа...

19

Чья-то рука легла на плечо Гэри, заставив его вынырнуть из мечтаний, навеянных созерцанием пламени, и повернуть голову.

– Что вам нужно? – спросил он.

– Какая-то дама желает поговорить с вами. – Курьер улыбнулся одними губами, не спуская с Гэри внимательного взгляда.

– Дама? – переспросил Гэри и почувствовал, как сердце в его груди гулко забилося.

«Значит, я ей действительно небезразличен», – подумал он и поднялся на ноги.

– Что ж, я готов.

– И вы даже не хотите узнать, что это за дама? – спросил курьер, беря Гэри под локоть.

– Дело в том, что я примерно догадываюсь, – признался Гэри, оглядывая пространство огромной пещеры. Майора Навински нигде видно не было, и это только подкрепляло его догадку.

Предвкушая радость свидания, он проследовал за незнакомцем по узкому коридору и неожиданно оказался в небольшом, вырубленном в каменной породе тупичке.

Позади хлопнула тяжелая дверь, а перед ним вместо доктора Навински появились два неприветливых человека. И, что самое неприятное, один из них показался Гэри знакомым.

– Стоп! – произнес он, поднимая руку. – Я сплю или это снова Герберт Апач?

– Да, я Герберт Апач, – подтвердил Гэри без всякого энтузиазма.

– Но ведь тебя должны были расстрелять! Откуда же эта форма и эти трофеи на поясе?!

– Форму дали взамен изорванной одежды, а трофеи я снял с убитых врагов.

– Что, сам, что ли, с ними расправился? – криво усмехнулся майор Курш.

– Я ничего не хочу знать, – перебил его префектор. – Возьми свой итальер и отруби ему голову – хочу своими глазами увидеть, как он умрет. В противном случае наша военная тайна проживет недолго.

– Как прикажете, префектор. – Майор Курш пожал плечами и, потянувшись к висевшим на спинке стула ножнам, вытащил не слишком длинное, изящное лезвие. – Становись в угол, – приказал он, подходя к Гэри. – А то ты нам тут напачкаешь.

Видимо, напоследок Курша заело любопытство, потому что он спросил:

– Как же ты все-таки убил этих имперских десантников? Или просто снял цацки с подвернувшихся трупов?

– Из бронебойной системы «нерпа»...

– Ишь ты...

На лице Курша снова появилась кривая усмешка, а в следующее мгновение страшная сила сотрясла все подземелье и с потолка посыпались мелкие камешки и песок.

Дверь распахнуло взрывной волной, и Гэри, недолго думая, выскочил в коридор.

20

В пещере творилось что-то невообразимое. Одной стены вообще не существовало – она обрушилась от внешнего взрыва, и в огромный пролом, копошась в обломках, словно боевые муравья, лезли имперские десантники. Это были тяжеловооруженные бойцы, которые могли одновременно рубить врага острыми итальярами и расстреливать из короткоствольных автоматов. При этом они жутко орали и, как со страху показалось Гэри, щелкали стальными зубами.

Несмотря на неожиданное нападение и частичную потерю личного состава под обвалившейся стеной, осажденные быстро сориентировались, и скоро в огромной пещере началась невиданная рубка, от созерцания которой Гэри оцепенело замер, не в силах сойти с места и произнести хоть слово.

– Гэри! – крикнул внезапно появившийся рядом разведчик Байферс. Отбив выпад трофейным итальяром, он дернул Герберта за руку, спасая от верной смерти. По счастью, с нападавшим на них имперцем сцепился военный полицейский; рыча, словно циклопы, оба они повалились на пол, стараясь дотянуться оружием до лица друг друга.

– Смотри! – крикнул Гэри.

Доктор Навински довольно неуклюже отбивалась от наступавших врагов заклинившей штурмовой винтовкой. И хотя имперцы видели, что перед ними красивая женщина, они пытались достать ее итальярами и зубчатыми секирами, остервенело рубя слева и справа.

В какой-то момент Навински удалось оторваться, и она побежала в первый попавшийся коридор, однако за ней сразу увязались семеро десантников,

которых в пещере становилось все больше и больше.

– Давай за ней! – крикнул Байферс и побежал следом. И хотя в коридоре было довольно темно, Байферс неплохо ориентировался благодаря своему особому зрению.

– Стой, – сказал он перед очередным поворотом. – Ты ничего не слышишь?

– А что? – задыхаясь, спросил Герберт. – Бой продолжается...

– Да, а впереди тихо.

– Может, они ее... убили? – Гэри хотел было бежать дальше, однако Байферс его придержал.

– Не спеши, – сказал разведчик. – Пахнет как-то нехорошо...

– Воняет, что ли? – прошептал Гэри. Звуки боя в большой пещере становились все приглушеннее, у Гэри возникло неприятное чувство, будто они с Байферсом погружаются в холодную яму.

– Нет, не воняет... Просто металлом порванным пахнет...

Они прошли вдоль стены и повернули направо.

– Пиши схему движения... – сказал Байферс. – А то заблудимся.

– Ага, – кивнул в темноте Гэри и на всякий случай решил запоминать повороты и количество шагов.

– Стоп, кажется, есть, – через какое-то время произнес разведчик и тронул ногой что-то, лежащее на дороге.

– Что там?

– Голова... Сколько их сюда забежало следом за докторшей?

– Кажется, семеро... Нет, точно семеро.

– Значит, стало одним меньше.

– А где тело?

– Вон там, чуть дальше. Ты что, в самом деле плохо видишь?

«Да я вообще ничего не вижу!» – хотел завопить Гэри, однако решил не озадачивать Байферса.

– Темнота – не мой конек.

– Тогда давай прихватим его наводящий фонарик-люксер.

С этими словами Байферс нагнулся над обезглавленным телом и отстегнул с его пояса какой-то предмет. Отрегулировав мощность на самый слабый режим, от которого на стенах не оставалось даже светлого пятна, он посветил вокруг.

Как ни странно, Гэри этого вполне хватило, и он во всех подробностях рассмотрел останки десантника, которому не повезло. Бедняга выглядел так, будто его разорвали пополам.

– Держи, это тебе. – Байферс протянул Гэри итальер, а сам вооружился подобранным автоматом.

Они двинулись дальше и за следующим, левым поворотом наткнулись еще на два тела. Кираса одного десантника была прорублена страшным ударом какого-то не слишком острого оружия, второй солдат был проткнут собственным автоматом.

На этот раз Байферс не стал задерживаться, только подобрал пистолет и передал его Гэри. Эта находка приободрила Гэри, поскольку обращаться с мечом, пусть даже и хорошо сбалансированным, он совершенно не умел. Неловко сунув его за пояс, он приготовил пистолет и осторожно пошел следом за старым разведчиком, на которого очень надеялся.

– Они могут притаиться где угодно, – предупреждаяще шепнул Байферс и остановился. – Вот где все закончилось, смотри, – добавил он через минуту и осветил люксером место очередного побоища. Только он сам мог разобраться в этой мешанине человеческих органов и хитроумных имплантатов. – Здесь трое...

– Значит, остались еще один и доктор Навински? – дрожащим голосом предположил Гэри.

– Боюсь, мы не застанем их в живых, парень, – сказал Байферс, поудобнее перехватывая автомат.

И они снова двинулись вперед. Сделали, по подсчетам Гэри, двадцать четыре шага, затем повернули налево и оказались в небольшом помещении с темными нишами в стенах.

– Поганое место... – прошептал Байферс, и вдруг Гэри почувствовал затылком жуткий страх. Такой сильный, что даже стало больно спине.

Быстро развернувшись, он вскинул пистолет и выстрелил. Гэри намеревался расстрелять всю обойму, но сильная отдача незнакомого оружия чуть не сломала ему руку.

Впрочем, и этот единственный выстрел оказался точным. Предназначенные им с Байферсом пули прошли выше, а в следующую секунду разведчик сцепился со здоровым десантником, который просто швырял Байферса из стороны в сторону и пытался разрубить его итальяром. Свой автомат он выронил, когда Гэри попал ему в плечо, иначе неизвестно, чем бы закончилась эта схватка.

Гэри на ощупь нашел пистолет и, подловив удобный момент, выстрелил еще раз.

Остальное – итальяром – довершил Байферс, вложив в этот последний удар все силы, после чего повалился на пол, тараща в темноту свои ненастоящие глаза.

Неожиданно совсем рядом слышались всхлипы, и из ближайшей ниши выглянула доктор Навински. Свет от валявшегося в стороне люксера падал на ее роскошные волосы и кровавый рубец на правой щеке.

– Мисс Навински! – обрадованно воскликнул Гэри и подхватил на лету майора медицинской службы, которая покачнулась и упала бы, если б не он.

– Мелани, – тихо сказала она.

– Мелани?

– Да, – слабо произнесла доктор Навински, – это мое имя.

Без сомнения, это было признанием заслуг Гэри, он счастливо заулыбался.

– Как ты это делаешь, Гэри? – хрипло спросил Байферс, поднимаясь с пола.

– Что именно?

– Как ты обнаружил этого парня в момент, когда он уже в нас целился? У тебя что, датчики движения вшиты? Рад видеть вас живой, мэм...

– Спасибо, что пришли мне на выручку, Байферс. Если бы не вы и... э... рядовой Апач... Что там в пещере? Уцелел ли кто-нибудь из наших?

– Неизвестно, мэм. Но нам нужно уходить отсюда. Не знаю, кто разделал ваших преследователей, но против него у нас нет никаких шансов... Вы не заметили, кто или что это было?

– Н-нет, – замотала головой Мелани... – Т-только этот ужасный хруст... И все...

Плайпорт была одной из представительских планет монархической династии Империи. Этот статус она окончательно получила несколько сот лет назад, и тогда же все население, не участвовавшее непосредственно в государственной деятельности, было перевезено на другие планеты. Остались только те, кто был нужен дворцу и кто считался полезным для реализации очередной акции

династии – присоединения к своим владениям Архонских миров.

Сами архоны называли себя по-разному: Гавань Гектора, циторианцы, страна Абана-Курц, однако запоминать это было сложно, и потому им дали общее название – Архонские миры.

В последнее время, когда в войне с архонами наметились крупные успехи, значение Плайпорта возросло. Император Хаокин Известный появлялся здесь все чаще, чтобы лично выслушивать доклады об очередных победах своих генерал-лордов. Что скрывать – это было приятно.

– Перед вами, мой Император, Золотая дорога, а планета Куггель – ключ к этой дороге! – громко объявил лорд Стромберг, указывая на большой стол с мастерски выполненными моделями планет и целых звездных систем. Лорд совершил целых пять «прыжков» на флагмане «Академик Первухин», спеша поскорее добраться до Плайпорта.

Вообще-то «прыжки» переносились пассажирами больших судов довольно легко, однако в возрасте Стромберга пять «прыжков» подряд без должного отдыха действовали на самочувствие просто угнетающе.

– Я благодарен вам, лорд Стромберг, за то, что вы сдержали свое обещание, – довольно сказал Император и, поднявшись с трона, подал руку гвардейскому полковнику, который помог монарху спуститься со специального возвышения.

Император Хаокин был вовсе не немощен, однако опасался предсказания придворного эрмофена – человека, путешествовавшего по иным мирам за счет одних лишь умственных усилий.

После таких путешествий эрмофен говорил не очень внятно, однако много раз описывал картину падения Императора со ступенек.

– Итак, это и есть Золотая дорога? – спросил Хаокин, любясь почти правильными рядами планет, которые в реальности тянулись на миллиарды и триллионы космических миль. Все они, если верить дальней разведке, были населены и имели немалые богатства, а стало быть, требовали покровительства цивилизованной Империи.

Долгое время приграничные миры архонов были настолько крепки, что имперские экспедиции растворялись в их пространствах без следа, однако война все расставила по местам, и теперь Император знал о Золотой дороге достаточно, чтобы двинуться по ней.

«И будет Империя от Синей до Белой звезды» – так было сказано в древнем пророчестве, и Хаокин надеялся его исполнить.

– Да, впечатляет, – согласился Император, потрогав несколько следовавших за Куггелем планет и тщательно вытерев пальцы шелковым платком. – Впечатляет. Еще бы нам двигаться побыстрее, а то ведь с этой Конфедерацией мы возимся долгих двадцать лет.

Хаокин повернулся, и по длинным шеренгам чиновников пробежали волны, словно по забитой саргассами морской гавани.

Здесь было много тех, от кого зависела скорость продвижения Империи к новым колониям, и потому волнение передавалось от одного к другому.

– В чем проблема, лорд Морвин? – спросил Император, обращаясь к высокому тучному господину, затянутому в тесный, расшитый драгоценными камнями мундир.

Лорд Морвин курировал комитеты по новейшим системам вооружения и, как он сам часто любил повторять, «кормил науку из своих рук».

– Э-э... Ваше императорское величество, архоны, несмотря на свою общую непросвещенность, весьма искусны в отдельных ремеслах. Они успешно совмещают в своих солдатах гибкость живого человеческого ума и технологии имплантаций. Пока что их солдаты быстрее, чем наши...

– С чем же это связано? Неужели нельзя наших солдат сделать сильнее, защищеннее, в конце концов?

– Э-э... Ваше императорское величество, наши ученые пока не в состоянии преодолеть барьер потери личности.

– Какой такой барьер? Почему я не знаю?

– Об этом лучше расскажет председатель трех Академий – Дориан.

– Один перекладывает на другого, – поморщился Император. – Что ж, многомудрый Дориан, объясните мне, что такого неразрешимого в этом барьере?

– О мой Император, речь идет о предельной возможности насыщения человеческого тела полезными дополнениями. Мы могли бы улучшить наших клонов, добавляя им чуть ли не бесчисленные технические возможности, однако на каком-то этапе они перестают себя контролировать и начинают выполнять совершенно непонятные команды.

– Чьи же они выполняют команды?

– Мне неловко произносить, ваше императорское величество, я человек заслуженный, серьезный ученый, магистр эфталогии и критик энтропии...

– Покороче, многомудрый Дориан, ваши заслуги широко известны.

– Да-да, прошу прощения, ваше императорское величество. Одним словом, испытуемые жаловались на некие голоса.

– Голоса? Какие голоса?

– Они утверждают, что слышат голоса, которые приветствуют их приход, потом начинают смеяться, и после этого наступает фаза внешнего контроля. Испытуемые совершают те или иные действия, а позже не могут вспомнить, что и почему они делали.

– А что делают эти ваши испытуемые? Что велят им голоса?

– Они, прошу прощения, гадят на пол, ваше императорское величество...

– Гадят на пол? – Брови Императора взлетели на лоб. – Но зачем?

– Чтобы, прошу прощения, было чем писать на стенах, – через силу произнес председатель трех Академий.

– Очень интересная подробность! – сказал Император. Он позволил себе улыбнуться, и сейчас же по рядам высших чиновников прокатился дозволенный смешок. – И что же пишут эти ваши испытуемые? Уж, конечно, не сонеты Джо Вильсона?

– Нет, ваше императорское величество, не сонеты... – Дориан потоптался на месте своими расшитыми башмаками, не решаясь открыть монарху правду.

– Говорите, не бойтесь, многомудрый, я уже догадываюсь, что они поносят своего Императора.

– Не только ваше императорское величество, но и ваших врагов! – тут же добавил Дориан.

– Значит, они объективны, – сухо произнес Хаокин, и было непонятно, шутка это или Император начинает сердиться. – Какие еще преимущества есть у противника? Я имею в виду Конфедерацию.

– Без сомнения, красное масло, ваше императорское величество. Оно совершает поистине чудеса и помогает нашим врагам. Масло имеет стороннее происхождение, но откуда его доставляют, пока неизвестно. Впрочем, лорд Кроу, насколько я знаю, уже собрал какие-то сведения.

– Хорошо. Лорд Кроу, что вы об этом знаете?

– Ваше императорское величество, я хотел бы сделать доклад вам лично. Он чрезвычайно секретен.

Император смерил взглядом высокого, затянутого в строгое черное платье Кроу и решил, что министр безопасности прав. Хоть и не хотелось в это верить, но среди каждой сотни чиновников Империи найдется один-другой купленный врагами, и они немедленно донесут своим хозяевам. А лорд Кроу, судя по всему, действительно до чего-то докопался.

– Я согласен. Поговорим об этом после обеда... Что там об этих реконструкторах, лорд Морвин? Кажется, в этом направлении вам что-то удалось? – Помня о возможных шпионах, Император подошел к Морвину вплотную.

– О да, ваше императорское величество, – тихо ответил тот. – Идея общего с машиной кровообращения себя оправдала. В этом случае проблемы потери контроля удалось избежать... Мало того, действуя в рядах прославленного Восемнадцатого Гвардейского легиона, эскадрилья пилотов-реконструкторов сыграла главенствующую роль. Как уже сообщил мне лорд Стромберг, у них все получалось.

– «Все получалось», – невольно повторил Император. – Как бы мне хотелось слышать такое почаще... Лорд Кроу, я жду вас после обеда для секретного доклада. Остальные – свободны!

Сказав это, Император повернулся и быстрым шагом вышел из зала аудиенций. Его личный доктор Кох немедленно последовал за своим высочайшим пациентом, которому пора было принять амброзию.

22

Помещение для принятия амброзии находилось под землей на глубине полукилометра. Небольшая комната и прилегающие к ней коридоры были тщательно изолированы от воздействия акустических, электромагнитных и даже псевдозначимых вибраций с первого по шестой уровень. Амброзия считалась чрезвычайно неустойчивой субстанцией и начинала распадаться от любого пустяка. Даже от случайной мысли о какой-нибудь грозящей неудаче.

Для того чтобы исключить сотрясения, пусть самые минимальные, зонд с порцией амброзии оставался на месте, а зафиксированное тело Императора подавалось на специальном подвижном столе. Чтобы Хаокин не мучился от неприятных ощущений при введении зонда через пищевод, его анестезировали точечными электродами. После введения анестезию отключали, и специальный человек ударял друг о друга два стальных брусочка, звучание которых и стимулировало амброзию к моментальному распаду.

Что при этом происходило с Хаокином, описать было невозможно. Каждый раз ощущения были чуть иными, но почти всегда ему казалось, что еще немного, и он смог бы заглянуть за край всего сущего. По сравнению с этим блаженством неудобства от введения в пищевод зонда были ничтожными. Амброзия давала Императору молодость и силу. Он жил по эту сторону мира уже сто тринадцать лет, а его отец Рамон Превентивный дотянул до трехсот тридцати восьми. Он жил бы и дальше, укрепляя Пурпурную Империю, если бы однажды не вкусил антиамброзии. Говорят, будто от него осталась лишь горстка пепла, которая тоже растворилась в пространстве к утру следующего дня.

Со временем придворные математики сумели рассчитать вероятность появления антиамброзии, однако Хаокин Известный им не очень-то верил.

Дважды в его строго охраняемой и тщательно экранируемой спальне возникали нах-нудлы, черные точки, посланцы неизведанных холодных миров. Хаокин знал, что они искали его перекормленное амброзией тело, чтобы испарить, выпить до дна, как когда-то сделали это с Рамоном Превентивным.

А ведь придворные математики с их суперваквантерами немыслимой мощности утверждали, что нах-нудлы не могут появиться рядом с обожаемым Императором еще сто пятьдесят лет. Как после этого верить науке?

Полный сил и исполненный желания совершать во славу Империи великие деяния, Хаокин в сопровождении доктора Коха перешел в императорскую столовую, где уже все было готово к принятию пищи более приземленной.

На первое подали бульон из нежных прозрачных грибков-сайнриков, на второе – потрошка ронгийских бабочек, а на третье – зеленоватое желе из крапивных слизней.

Одним словом, ничего особенного – обычный обед Императора. Просто и питательно.

Запив все это подогретым настоем из лунного камня, Хаокин в сопровождении главного секретаря отправился в комнату послеобеденного отдыха, чтобы выслушать доклад министра безопасности. Доктор Кох был против такого нарушения режима, однако его императорское величество себя не жалел, часто работая и после обеда.

– Ну? – коротко произнес Император, опускаясь в любимое потертое кресло, которое запрещал реставрировать.

Ожидавший его лорд Кроу откашлялся и начал доклад:

– Мой Император, нашим агентам наконец удалось выяснить некоторые подробности того, каким образом у противника появляется это самое «красное масло». Внедренные в Департамент безопасности лазутчики доложили о некоем человеке, который совершенно случайно оказался посвящен в тайну происхождения масла.

– И где же этот человек?

– Один из префекторов Конфедерации, занимавшийся доставкой стратегического продукта, распорядился уничтожить этого случайного свидетеля.

– Так, значит, он мертв? – нетерпеливо спросил Император.

– К счастью, нет, ваше императорское величество. Он избежал этой участи и теперь прячется где-то в горах. Нам известно его имя, и мы ищем его.

– И каково же имя?

– Оно у него довольно глупое – Герберт Апач.

– Да, действительно глупое... – Император задумчиво почесал нос. – Какие еще у нас проблемы на этом направлении?

– Воздушная армия барона Хеддинга, мой Император.

– Ах да, – кивнул Хаокин. – Не следовало мне отнимать у него эту жалкую Репеннию. Ведь сейчас он мог бы воевать на моей стороне. Но сделанного не воротишь. Можно ли как-нибудь перекупить его?

– Едва ли, ваше императорское величество. Конфедерация не допустит этого.

– Значит – убить. Постарайтесь сделать это...

Император вздохнул и, поднявшись с кресла, подошел к окну. Рядом с резиденцией высилась батарея двухсотметровых колонн реактора, которые наработывали очередную порцию амброзии для Императора.

– Значит, убить, – повторил Хаокин. – Другого выхода я не вижу.

23

Под утро прошел дождь, свежий ветерок, налетая из долины, сбивал капли, повисшие на широких листьях деревьев, и они с легким шуршанием падали в траву.

Всю ночь Гэри мучили кошмары, заставляя то и дело просыпаться. Открыв глаза в очередной раз, он увидел прямо перед носом половинку питательной плитки из походного набора.

– С добрым утром, парень, – сказал Байферс.

– А я надеялся, что все это сон, – пробормотал Гэри и потянулся.

– Нет, дружок, нам действительно надрали задницы.

– Да, конечно, – согласился Гэри. – Где мисс Навински?

– Ха, вспомнил! Она с полковником ушла в расположение роты ополченцев – у них много раненых.

– С каким полковником?

– Ты хочешь, чтобы я описал его внешность? – Байферс криво усмехнулся.

Разговаривать на эту тему Гэри не хотелось. Он встал и направился к протекавшему неподалеку ручью. Вся его одежда была напитана ночной сыростью, и от этого Гэри чувствовал себя отвратительно.

Он поплескал в лицо проточной водой, прополоскал рот и присел на камень, пытаясь собраться с мыслями.

В лесу было тихо, однако то тут, то там за кустами двигались люди, а точнее, разрозненные остатки подразделений Конфедерации. Они были молчаливы, и, казалось, их вовсе не интересует, что с ними произойдет в следующую минуту.

– Куда ты смотришь? – спросил подошедший Байферс.

– На бабочку, – ответил Гэри.

– Дальномер тарируешь?

– Да нет, просто смотрю.

– Если ты готов, нам пора идти, а свой завтрак ты сжуешь по дороге.

– А куда мы пойдем? – спросил Гэри, погружая руку в прозрачную воду ручья.

– Вслед за крошкой Мелани. Ты ведь не хочешь с ней расставаться?

Гэри, не отвечая, поднялся. Байферс подал ему итальер и трофейный автомат.

– Смотрю я на тебя, Гэри, и никак не могу понять – что ты за птица? И знаешь, до чего я додумался?

– До чего же?

– Наверное, ты из Департамента безопасности, с самого верха.

– С чего ты так решил? – спросил Гэри, пристраивая на поясе итальер.

– По всему видно, что имплантаты у тебя стоят, и очень хорошие, но я их не замечаю... Значит, это новые, мягкие имплантаты. Я слышал, что такие ставят только специальным людям.

– Какие у нас дальше планы?

– Сначала идем в роту, где доктор Навински, а потом, наверное, будем пробиваться на юг в составе сводного подразделения. В долинах нас поджидают, так что придется несладко.

– А что на юге?

– Большие горы. Здешние против них – карлики.

– Ну а если пробьемся к большим горам, что потом будем делать?

– Это вопрос не ко мне. Это командование будет решать, что нам делать. Может, на Куггеле воевать останемся, а может, нас вывезут отсюда еще куда... Так что, пошли?

– Пошли.

24

До места расположения роты ополченцев было недалеко. По прямой – восемь километров. Однако этот путь удлинялся вчетверо, ведь приходилось идти по заросшим склонам гор. Там, где не было растительности, Байферс и Апач спускались к самому подножию горы, иначе можно было попасть на прицел роботам «фуэте», которые важно расхаживали в долине.

Иногда над горами проносились имперские штурмовики, и тогда приходилось падать на каменистый грунт, чтобы не заметили пилоты.

Если они замечали, то возвращались и, проходя над подозрительным местом, щедро сыпали бомбы. Обычно они били наобум, но однажды прямо на глазах Байферса и Апача была накрыта группа из пяти легких пехотинцев.

Когда оставалось идти не более двух часов, в ста метрах впереди, там, где склон горы был гол почти до самого основания, появились три «фуэте». Они двигались вдоль хребта.

– Если кто-то застрял на склоне, вряд ли уйдет, – заметил Байферс и, прощупав окрестности своими необыкновенными глазами, добавил: – Никого нет. Восемь человек спрятались в старой воронке, но роботы их не заметят.

Укрывшись за огромным обломком песчаника, Байферс и Апач посидели минут пять, затем старый разведчик еще раз выглянул и, смело поднявшись, сказал:

– Ушли наши птички. Пора двигать дальше, а то мы только к вечеру поспеем. Опять же ужин пропускать нельзя, у ополченцев всегда все самое лучшее. Домашняя лапша, засахаренные фрукты. Воют они нечасто, но всегда с комфортом...

Спустившись по сыпучему грунту, они углубились в густой кустарник и, преодолев самое опасное место, снова начали карабкаться в гору. Гэри обливался потом и вспоминал чудесные деньки, когда он в своем родном городе, вызывая зависть у окружающих, катался себе на новеньком серебристом «М-260». А теперь вот приходилось играть дурацкую роль неизвестного героя и воевать на стороне Конфедерации, о которой он ничего не знал. Причем именем этого же государства его несколько дней назад едва не расстреляли.

Гэри отлично помнил последние слова из приговора, который торопливо зачитывал лейтенант специального взвода: «именем Конфедерации».

– Ну вот, сейчас поднимемся на площадку и там передохнем с ребятами из пехоты... – на ходу говорил Байферс. – Идти-то нам осталось... совсем ничего...

Гэри было не до разговора. Он хотел попросить у попутчика флягу с водой, но запыхался так, что не мог произнести и двух слов.

Наконец усталые путники выбрались на небольшую террасу, закрытую от долины невысокой стенкой из расслоившейся породы и несколькими небольшими, но достаточно густыми деревьями.

– Привет пехоте, – поздоровался Байферс, с удовольствием распрямляя натруженную спину.

– Привет разведке, – с ходу определил капрал-пехотинец.

Байферс опустился на камни, Гэри рядом с ним.

– Разуйся, – сказал Байферс. – Ноги должны просохнуть, а то сотрешь на последних километрах.

Гэри послушно разулся, потом взял у напарника флягу с водой и сделал несколько глотков. Только теперь, почувствовав себя значительно лучше, он осмотрелся. На площадке полукругом расположились пехотинцы. Двое, самые здоровые, просто гиганты, почему-то сидели, уткнувшись глазами в землю. Их лица были безучастны, словно застывшие маски, а за правым плечом у каждого торчала труба, больше похожая на минометный ствол.

Казалось странным, что оружие других пехотинцев лежало рядом, а эти не расстаются с ним даже на отдыхе. Гэри наклонился к Байферсу:

– Кто эти двое?

– Эрбаллеры.

– А почему они не снимут оружие? Нелегко ведь, наверное, таскать на себе такие пушки?

– Они не могут снять их, Гэри. Эрбалы прилажены к ним намертво. – Байферс пристально посмотрел на Гэри. – Ты что, действительно не знал этого?

– Нет, не знал. А почему у них такие лица?

– Потому что мозгов совсем мало. Железа много, а мозгов мало. Эти ребята постоянно слышат голоса, если не заняты на войне.

– Какие еще голоса?

– Ты что это, экзамен мне устраиваешь? – удивился Байферс, глядя на своего попутчика с долей подозрения. Но тут его внимание отвлек капрал, который, поднявшись на ноги, начал из-под ладони всматриваться в долину. – Ну что там, уходят они? – спросил Байферс.

– Пока уходят, но ты же знаешь, как быстро они возвращаются...

Удостоверившись, что «фуэте» далеко, капрал вернулся на место.

Неожиданно боковым зрением Герберт заметил сквозь густую листву слева от себя какое-то движение. Он повернул голову и в первое мгновение не мог произнести ни слова – так ошеломляюще неожиданно было появление совсем рядом огромной машины.

Заметив, как перекосилось лицо Гэри, Байферс что-то крикнул, и все пехотинцы моментально пришли в движение. Похватав автоматы, они попрыгали в кусты, а эрбаллеры, напротив, очнувшись от спячки, вскинули на плечи свои трубы. Уже падая назад, Гэри увидел, как из широких стволов полыхнул огонь и пущенные снаряды со страшным грохотом разорвались где-то совсем рядом. Подбитый «фуэте» свалился под гору, однако второй робот неожиданно появился со стороны Гэри, поднявшись из-за бурелома.

Дав несколько беглых выстрелов из основного орудия, он разнес площадку и обрушил каменную стенку, под которой стояли эрбаллеры.

«Фуэте» сделал еще несколько шагов, и одна из его опор остановилась в полуметре от головы Гэри. Тот замер. Было слышно, как поскрипывают напряженные сочленения в ноге робота. В любой момент она могла передвинуться и раздавить его всмятку. Осторожно повернув голову, Гэри посмотрел вверх и скорее поразился, чем испугался, глядя на запыленную рифленую броню, на закопченные орудия и небольшие потеки масла у шарнирных сочленений, ощущая тепло, исходившее от этой большой машины.

«Фуэте» шевельнулся, выставил вперед правый манипулятор, на нем бешено завертелась роторная пушка, прошивая снарядами кустарники, которые показались пилоту робота подозрительными.

Помимо треска, от которого закладывало уши, на Гэри посыпались раскаленные металлические пяточки – поддоны от пушечных снарядов.

Один из них прожег куртку и подпалил спину Гэри так, что он завертелся, шипя от боли.

Наконец, пройдясь напоследок по кустам из спаренного пулемета, «фуэте» начал осторожно пятиться и спускаться вниз.

Как только его тяжелые шаги и жужжание приводов затихли, Гэри с трудом выполз на кучу битого камня, где еще недавно была удобная для отдыха площадка.

– Гэри! – позвал из кустов Байферс. – Неужели ты уцелел?

Он выбрался из укрытия и осторожно приблизился к взъерошенному и запыленному Апачу.

– Не ранен?

– Нет, только ботинки пропали.

– Ботинки не проблема, – вздохнул Байферс. – Вон от капрала только ботинки и остались. Пушечная очередь прямо в него... Но ботинки целые и, кажется, твой размер.

Байферс указал на иссеченный осколками куст.

– Это здорово, – тупо кивнул Гэри. В его голове все еще звучали отголоски взрывов, поэтому слышал он не очень хорошо.

Тем временем Байферс со всей предосторожностью вышел на открытое место, откуда просматривались подходы к склону.

– Смотри, Гэри, этот парень выручает товарища. – Разведчик показал куда-то рукой, и Гэри, подойдя ближе, увидел, как «фуэте» тащит на крюке подбитую машину, которая волочилась по земле, оставляя глубокие борозды.

– Уходить надо. Они сюда еще наведаются...

С этими словами Байферс оставил наблюдательную позицию и забрался в кусты, чтобы добыть напарнику обувь.

Скоро он появился с парой ботинок и поставил их на землю рядом с Гэри.

– Вот, обувайся. Если хочешь, я и носки принесу.

– Нет-нет, не нужно! – поспешно отказался Гэри. – Носки у меня свои.

Усевшись на камень, он начал примерять обновку. Обувь оказалась чуть великовата, но это было не главное. Больше всего Гэри тяготило, что всего несколько минут назад эти ботинки принадлежали другому человеку. Они еще хранили тепло прежнего хозяина.

– Да не кривись ты, нормально все, – заметив настроение Гэри, сказал Байферс и неожиданно добавил: – Слушай, а ты случайно не штатский?

Это было произнесено тоном, каким обычно спрашивают: «А ты, часом, не педик?»

– Нет, я вполне нормальный, – поспешил заверить Гэри. – Просто у меня информации маловато.

В лагерь роты ополченцев Гэри и Байферс прибыли после обеда. Заявившись к местному командиру, полковнику Швепсу, они встали на учет согласно военной специальности, и теперь Гэри знал, что он ночной разведчик класса «юниор».

– О, Апач и Байферс! – раздался знакомый голос, и в командирскую палатку вошла доктор Навински. – Там, в пещере, они спасли мне жизнь, полковник.

Швепс понимающе кивнул и пристально посмотрел на Гэри, который поедал глазами майора медицинской службы.

Видимо, для того, чтобы все было ясно, полковник по-хозяйски обнял Навински за талию и сказал:

– Молодцы, что тут скажешь. Такие ребята нам нужны. Ступайте к кухонному блоку, это там, возле опушки. Обед уже закончился, но, если вы скажете, что я приказал, вас обязательно накормят. А на ночлег попроситесь во второй взвод.

– Спасибо, сэр, – поблагодарил Байферс, и они вышли из палатки.

Пообедать им действительно дали, хотя повар и скривил страшную физиономию, давая понять, что делает это в последний раз.

Гэри жевал, не чувствуя, что он ест. Его мысли были заняты доктором Навински. Гэри поразило, с какой бесцеремонностью этот полковник лапал ее. Но самым неприятным было то, что она не одернула нахала, словно это ей действительно нравилось.

– Слушай, Байферс, а как твое имя? – спросил Гэри, наткнувшись глазами на жующего напарника.

– А зачем тебе?

– Ну, что все зовут тебя Байферс да Байферс, словно кошку какую?

– Байферс – не кошачье имя, – серьезно заметил разведчик. – Кошек называют Бантик, Пушистик или Чук-Чук... Но первое имя у меня Эрик.

– Отлично, Эрик. Какие у нас планы? – Гэри посмотрел вокруг в надежде увидеть среди сновавших по лесу солдат Навински, однако она нигде не показывалась, и неизвестно было, чем они там с полковником сейчас занимались.

– Планы простые. Смыться отсюда поскорее дальше на запад.

– А чем здесь плохо?

– Здесь бардак, никаких постов – приходи кто хочешь. Заметь, никто из кадровых здесь не задерживается. Скоро имперский спецназ вырежет этих баранов всех до единого. Сонными.

– И доктора Навински?! – вскинулся Гэри.

– И доктора Навински, – просто ответил Байферс.

– Нужно спасти ее, Эрик!

– Не думаю, что это ей сейчас нужно, Гэри. – Байферс поковырялся в зубах ногтем и сплюнул. – Она в надежных руках этого полковника.

– Но мы должны ее хотя бы предупредить, иначе зачем было помогать ей в пещере!

– Хорошо, только предупреждать ее будешь ты. Идет?

– Я согласен, – уверенно кивнул Гэри. – А когда?

– Вечерком, как стемнеет.

– Хорошо, – согласился Гэри.

Оставшееся до вечера время они провели, подремывая на сухом мху под смолистыми деревьями, усыпанными вместо листьев темно-бурыми колючками.

Неподалеку от них располагались такие же вольные стрелки – остатки боевых подразделений. Среди них снова оказалось несколько эрбаллеров, и теперь Гэри присмотрелся к ним повнимательнее.

Их боекомплект состоял из оперенных ракет, которые эрбаллеры носили на поясице. Сначала Гэри подумал, что извлекать оттуда снаряды, чтобы заряжать свою пушку в бою, наверное, очень неудобно, однако вскоре заметил, что руки эрбаллеров могут сгибаться в любых направлениях.

Его пристальное внимание не осталось незамеченным. В конце концов один из этих агрегатов тяжело поднялся с земли и не спеша двинулся в сторону Апача и Байферса.

Эрик не подал виду, что заметил его, однако совершенно естественным для себя движением пододвинул автомат поближе.

– Какие-нибудь проблемы, парень? – пророкотал остановившийся рядом эрбаллер. Гэри, глупо улыбаясь, ответил, что он «просто смотрел».

Агрегат кивнул и, повернувшись, пошел обратно, однако ему на смену пришел еще один. Он встал на том же месте, где только что стоял другой эрбаллер, с похожей интонацией задал точно такой же вопрос и получил от пораженного Гэри такой же ответ.

С тем он и удалился.

– Ты бы перестал на них пялиться, Гэри, – посоветовал Эрик.

– Хорошо, не буду, – пожал плечами Гэри. – А почему ты пододвинул к себе оружие, когда этот здоровяк направился в нашу сторону?

– На всякий случай. У этих парней бывают досадные замыкания. Тогда они превращаются в безмозглых убийц.

– Что, микросхемы подводят? – желая показать свою осведомленность, спросил Гэри.

– При чем тут микросхемы? Просто их одолевают голоса, противостоять им не так-то легко. Представь себе, что двадцать четыре часа в сутки тебе нашептывают: убей, убей.

– Да кто нашептывает, Эрик? Откуда эти голоса берутся?

– Да ниоткуда. Они вокруг. – Эрик провел перед собой рукой, словно отводя в сторону навязчивые галлюцинации. – Пока ты целый, такой, каким мама родила, ты их не слышишь, ты строишь свой мир и удерживаешь его таким, каким привык видеть. Однако стоит тебе ослабеть, получить вместо глаз синаптеры, оптику или лазерный сканер, а вместо кишок разделительную мембрану, эти голоса тут как тут и начинают нашептывать.

– Ты хочешь сказать, что человек болеет и от этого его мир искажается? – не унимался Гэри.

– Нет. Я говорю не об этом. Мы живем здесь как бы взаимы. Незванные гости, понимаешь?

Гэри помотал головой:

– Нет.

– Ну, это неважно, – махнул рукой Эрик. – Одним словом, эти парни, которые местные, пытаются нас отсюда выпихнуть, ну, и внушают: убей, убей... Иногда им это удается.

На лес быстро опускались сумерки, Гэри невольно поежился, представляя, как вокруг стоят невидимые «местные парни» и только и ждут случая внушить ему какую-нибудь гадость.

Со стороны пищеблока потянуло едой, издалека донесся грохот взрыва.

– Сержант, надо бы пожрать чего-нибудь, – сказал один из располагавшихся неподалеку эрбаллеров.

Гэри очнулся от своих мыслей и стал прислушиваться. Спустя минуту еще один эрбаллер в точности повторил то же самое, а затем из леса пришел третий человек-агрегат и, подойдя к своим, сказал:

– Сержант, надо бы пожрать чего-нибудь.

– Да идем уже, идем, – отозвался пехотинец с механической рукой, которая заученным движением поигрывала тяжелым итальяером.

Солдаты поднялись с земли и гурьбой направились к пищеблоку.

– Пора и нам, – сказал Эрик, вставая с примятого мха. – А то пехотные все расхватают.

26

На то, что пришлые солдаты позанимали все места и претендуют на кормежку в первую очередь, ополченцы не обижались. Они еще недавно были гражданскими людьми с минимальными обязанностями и максимальными удовольствиями в жизни, а потому с трудом привыкали к армейским порядкам.

Установленные по жестким ускоренным технологиям имплантаты приживались в их телах плохо, и потому аппетита у ополченцев не было никакого.

С чувством то ли зависти, то ли восхищения они смотрели, как самые настоящие военные профи с запыленными, покрытыми вмятинами от пуль и осколков стальными конечностями поедают лугурскую кашу, запивают ее витаминной патокой, а затем рыгают и громко выпускают газы, с усмешкой глядя, как вздрагивают при этом не привыкшие к настоящей войне ополченцы.

Для Гэри такие вещи тоже были в новинку, однако он старался не удивляться, тем более что сидевшая неподалеку от него майор Навински реагировала на солдатские штучки спокойно.

Доев свой ужин, Мелани поднялась и, сказав повару «спасибо», ушла, сопровождаемая понимающими взглядами, к палатке полковника.

– Иди и ты, – тихо сказал Байферс, и Гэри, не докончив трапезу, отправился следом за доктором Навински.

Однако далеко уйти он не успел, его остановили двое рослых ополченцев.

– Прошу прощения, сэр, – сказал один из них. – Разрешите задать вопрос?

– Задавайте, – разрешил Гэри, удивленный таким обращением.

– Мы с другом... Одним словом, мы заметили у вас на поясе эти имперские знаки... Вы убили троих десантников, сэр?

– Ну да, – немного смутился Гэри. – В общем, да, я победил их в честном бою.

– Простите нам наше нахальство, сэр, но это была дуэль на итальярах?

– Нет, я застрелил их из бронебойного ружья. Система «нерпа», слышали?

– О да, сэр. Мы проходили ее устройство!

– Нельзя ли получить у вас пару советов, сэр? – спросил второй ополченец. – Мы в солдатах совсем недавно, и нам хотелось бы выжить в этой жестокой войне. Судя по всему, вы тот человек, который знает, как это делается.

– Да, конечно, – кивнул Гэри, невольно вспоминая слова Байферса, пророчившего всей роте ополченцев скорую гибель. – Совет простой, парни: осторожность и внимательность. Внимательность и осторожность. Вот залог возвращения домой.

– Спасибо, сэр! Большое вам спасибо! – Ополченцы поочередно с чувством пожали Гэри руку, и он поспешил за майором Навински, о которой почти забыл за разговором с солдатами-новичками. Гэри был вынужден признаться себе, что играть роль бывалого вояки ему понравилось.

Еще раз прокручивая в голове эту беседу, Гэри подошел к палатке полковника и вдруг будто наткнулся лбом на стену – света в палатке не было. Да что там свет! Натянутое полотно полковничьего жилища мелко подрагивало, а изнутри доносились короткие постанывания доктора Навински.

Стоны то стихали, то становились громче и переходили в какую-то жаркую скороговорку, а Гэри все стоял, таращась в темноту, и не знал, что ему делать.

Может, броситься внутрь и задушить полковника или сбегать к Байферсу за своим автоматом, чтобы застрелить его? Или нет – лучше сразу обоих!

Потом все стихло. Гэри осторожно приблизился к палатке, надеясь, что, может, доктор Навински выйдет и тогда он все ей выскажет, однако никто не появлялся, вместо этого стоны возобновились с новой силой. Подталкиваемый больше отчаянием, чем решимостью осуществить свой план, Гэри закричал:

– Мисс Навински! Мэм! Майор медицинской службы!

Палатка перестала мерзко подрагивать, стоны прекратились. Затем, после недолгих перешептываний, из нее показалась Мелани.

В длинной полковничьей куртке, наброшенной на голое тело, с распущенными волосами она смотрелась сногшибательно даже в синеватом свете подвешенных на деревьях люксеров.

– Что вы хотели... э-э... – Мелани забыла фамилию Гэри, потом все же вспомнила:

– Да – Апач, что случилось? Кто-нибудь заболел?

– Нет, мэм, дело в том, что мы уходим...

– Кто это «мы»?

– Я и Байферс... Ну, и еще другие солдаты.

– Но зачем? – Доктор Навински убрала упавшую на лицо прядь, и Гэри, очарованный, подумал, что, возможно, он ее простит.

– Здесь плохо налажена постовая служба, скоро их всех перережут, как баранов. Если вы не хотите для себя этой участи, мэм, я предлагаю вам уйти со мной... То есть с нами.

Навински раздумывала совсем недолго:

– Хорошо, Алач, идите к пищеблоку, я быстро закончу и... В общем, я скоро приду.

Ночь укрыла липкой темнотой предгорье и лес, но вскоре где-то на юго-востоке сначала слабо, а потом все сильнее стала разгораться заря, которая, как пояснил Байферс, была тут сезонным природным явлением и мешала ночной разведке.

Однако Гэри заря нравилась. Ему неприятно было ходить по лесу, когда совсем ничего не видно. Байферсу что – он видел в темноте лучше кошки, а Гэри надеяться было не на что. Любая лесная змея или черный пощелкун могли убить его одним укусом.

– Ну и когда она придет? – в который раз спросил Байферс, не поворачивая головы. Он стоял в десяти шагах перед Гэри и смотрел в лес – настраивался.

– Сейчас придет. Она обещала...

Гэри хотел сказать что-то еще, но неожиданно заметил возле Байферса какое-то движение, как если бы он смотрел на картину, отраженную на поверхности воды, и по ней вдруг прокатилась бы волна.

– Эрик... – позвал Гэри.

– Что?

– Ты ничего не чувствуешь?

– Да как будто ветерок подул...

– А вот и я, – раздался над ухом Гэри голос Мелани.

– Мы уже давно ждем вас, майор Навински, – не слишком приветливо заметил Гэри, даже не поворачиваясь к доктору и давая понять таким образом, как он оценивает ее поведение.

По лесу и силуэту Байферса прокатилась новая волна, на мгновение исказив все видимое и заставив Гэри усомниться в том, что у него перед глазами.

Волна ушла, но рядом с Эриком осталась тень, которая, медленно видоизменяясь, полностью его скопировала. Гэри моргнул, стараясь прогнать наваждение, но тут вдруг обнаружил, что не может отличить одного Байферса от другого.

Гэри хотел крикнуть, но майор Навински остановила его прикосновением к плечу:

– Не кричи, Гэри. Это ведь просто его смерть... Если ты ее спугнешь, они могут еще долго не свидеться.

– Что ты такое говоришь? – Гэри резко повернулся и не увидел перед собой никого. Только освещенный тусклыми огнями люксеров лагерь.

Возле пищеблока промелькнула знакомая тень, обежав походный стол, к Апачу подскочила майор Навински. Она была полностью собрана для похода – в стеганой куртке и пехотных штанах, с десантным итальяром на поясе.

Небольшой ранец с лекарствами и тесторной мини-панелью болтался на плече.

– Я готова, – произнесла Мелани, поправляя выбивавшиеся из-под берета волосы. – Идем?

– Идем.

– А вот и наш док! – отозвался Байферс и, подойдя ближе, улыбнулся Мелани. – Что ты так смотришь на меня, Гэри?

– Я видел, как... Я видел...

– Не бери в голову, она приходит за мной не в первый раз.

– И что?

– Пока договариваемся.

– О чем это вы? – спросила доктор Навински.

– Все в порядке, мэм. Нам пора, ведь имперский десант, должно быть, уже в пути.

– Я пыталась поговорить с полковником Швепсом, но он мне не поверил. Сказал, у него приказ оставаться здесь.

– Приказ нарушать нельзя, – согласился Байферс и, повернувшись, двинулся в глубину леса. За ним последовала доктор Навински, замыкал процессию Гэри. Ему было приятно сознавать, что теперь он охраняет Мелани и всякому, кто решится на нее напасть, придется прежде иметь дело с ним.

Байферс шел довольно быстро, Гэри старался не отставать, однако один раз он все же оглянулся.

Угасавшие в темноте туманные звездочки люксеров казались ушедшими ко дну огнями тонущего корабля. Там в трюмах и каютах еще находились живые люди, однако они были уже обречены.

Из леса по направлению к лагерю шагнули смутные тени, они заструились между деревьев, то принимая очертания еще живых людей, то распадаясь и стелясь по земле, словно черный дым.

Они собирались заранее. Они ждали.

Споткнувшись о кочку, Гэри чуть не упал на доктора Навински.

– Гэри, не оборачивайся! – приказал ему Байферс, а Мелани негромко хихикнула.

Когда издали донесся шум и глухие крики, Байферс прибавил шаг. Теперь они почти бежали, продираясь сквозь кусты и перепрыгивая через заполненные водой ямы.

Сколько это продолжалось, Гэри не помнил, но затем Байферс скомандовал: «Стой!» – и они залегли за какими-то камнями.

– Что там? – спросил Байферс, а Гэри, не поняв, к кому тот обращается, переспросил:

– Где?

Однако на вопрос разведчика ответил совсем другой человек, и лишь когда он заговорил, Гэри понял, что за камнями прячутся еще несколько солдат.

– Что-то на деревьях среди веток... То ли ловушки, то ли флайтеры...

– Тут нельзя долго оставаться, – заметил Байферс. – С ротой покончено, скоро они двинутся по нашим следам.

– Предлагаешь рискнуть?

– Предлагаю. Мы по левому флангу, вы – по правому.

– Уговорил...

Тот, что разговаривал с Байферсом, повернулся куда-то к россыпи камней и повторил его предложение.

Другого выхода действительно не было. Чтобы спастись, следовало перебираться по открытому месту к следующей горной гряде.

– Пошли... – пронеслось в темноте, и будто зашевелились камни – это солдаты выбирались из своих укрытий.

Байферс поднялся и пошел, следом за ним двинулись Мелани и Гэри.

– Не забывайте смотреть вверх, – предупредил Байферс.

– Ага, – ответил Гэри, не совсем понимая, что он там должен увидеть. Где-то высоко полыхнула белая ракета, в руках доктора Навински блеснул пистолет.

Вслед за первой ракетой взлетела еще одна, потом хлопнула граната, и на ближайшем дереве зашелестела срезанная осколком ветка.

Помня предупреждение Байферса, Гэри поднял голову и в угасавшем свете ракет увидел распластавшиеся над ним крылья.

– Птица!

Байферс, мгновенно развернувшись, выстрелил из автомата поверх голов Гэри и Мелани. Что-то большое рухнуло на землю, и одновременно в небо взмыли сразу несколько осветительных ракет.

То, что Гэри увидел там, его потрясло. Десятки, а может, сотни птиц с блестящими, отливающими металлом крыльями и человеческими головами спускались к земле. Они со свистом рассекали воздух стальным оперением и, словно парашютисты, одна за другой пружинисто приземлялись на камни.

Их крылья складывались за спинами с тихим металлическим шелестом, и из повелителей воздуха флайтеры превращались в пеших бойцов, которые сразу вступали в закипавший бой.

Бешено перестукивались роторные пушки, били в упор бронебойные ружья, а там, где враги сходились достаточно близко, в дело вступали итальяры и стрекочущие ножами секиры.

Разрываясь между страхом за собственную жизнь и желанием уберечь от гибели Мелани, Гэри стрелял налево и направо, пока у него не закончились патроны. Перезарядить оружие самостоятельно он не мог, пришлось вступить с лихими флайтерами в рукопашный бой.

Это было нелегко, потому что их полутораметровые крылья действовали как еще одна пара рук. Несколько раз Гэри вовремя отскакивал, избегая верного рассечения лезвием крыла, но вскоре наловчился подставлять итальяр, хотя и это тоже было непросто. Изощренные в подобных схватках летающие пехотинцы

секли крыльями с такой силой, что выбивали из клинков целые снопы искр.

Майор Навински стояла спина к спине с Гэри. В одной ее руке был облегченный итальер, а в другой фронтальной пистолет. Как женщина, Мелани не могла противопоставить противникам свою силу, а потому делала ставку на гибкость и быстроту.

Байферс, в отличие от них, дрался, как механическая машина. Он не давал повалить себя и стрелял из автомата, лишь когда не мог достать врага итальером. Время от времени он рявкал: «За мной!», и его маленький отряд делал еще несколько шагов вперед.

Между тем флайтеров становилось все больше; как только кто-то из их товарищей падал, его место тут же занимали другие. В какой-то момент продвижение троицы Байферса совсем застопорилось, Гэри, получив несколько неглубоких порезов, был на грани отчаяния.

По счастью, в драку ввязалось полроты тяжелых пехотинцев, и сразу все переменялось. Это было похоже на удар танкового клина. Гиганты работали тяжелыми мечами-инверсорами, рассекавшими броню флайтеров, как хлебную корочку. Их размещенные на локтевых шарнирах роторные пушки наводились отдельным процессором, и потому тяжелые пехотинцы работали каждый за троих.

– За мной! – в очередной раз скомандовал Байферс, воспользовавшись замешательством в рядах флайтеров, вызванным атакой тяжелой пехоты.

Несколько перебежек, затем длинная очередь из автомата Байферса, и они снова ступили на подстилку из мха у основания горы.

Гэри обернулся, проверяя, нет ли погони, и в этот момент спиной почувствовал замах крыла огромного флайтера, просто чудовища по сравнению с теми, что нападали прежде.

«Он рассечет нас с Мелани – обоих, – промелькнуло у него в голове. – И мы умрем в один день».

Последовал сильный удар, треск, в висок и ухо Гэри впились мелкие осколки. Обе половины разорванного пополам флайтера рухнули на землю, и в свете догоравших осветительных ракет Гэри увидел перекошенное лицо механического получеловека и изумление в его глазах.

28

На рассвете группа Байферса соединилась с отрядом уцелевших в ночной схватке легких десантников.

– Док, вы не могли бы посмотреть троих наших ребят? – попросил командовавший отрядом сержант.

– Конечно, о чем речь, – сразу согласилась Мелани. – Заодно осматрю и Апача, кажется, ему вчера тоже досталось.

Гэри утвердительно кивнул. Пораненное осколками ухо распухло и сильно дергало.

– Вы просто счастливики, – заметил сержант, когда они спускались в расположение его небольшого отряда. – Без доспехов – и ни одной потерянной конечности...

– Это Гэри у нас талисман удачи, – сказал Эрик.

– Правда? – обрадовался сержант. – Тогда я дотронусь, можно?

И, не дожидаясь разрешения, приложил ладонь к плечу Апача.

Тот ничего не понял, но на всякий случай улыбнулся.

– Вчера на опушке, когда мы уже вырвались из свалки, неожиданно напоролись на флайтера-биггера! – стал рассказывать Байферс. – Я его только краем глаза приметил, решил: все, поздно. И что ты думаешь? Прилетает болванка из эрбала

– бац, и продырявила биггера!

– Да ты что?! – поразился сержант. – А у нас вчера биггер четверых положил. Я в него с трех метров полмагазина всадил, так он все равно на крыльях ушел, сволочь!

– Эрик, этого флайтера не продырявило. Его разорвало пополам, – сказал Гэри.

– Биггера невозможно разорвать пополам, – возразил Байферс. – Его продырявило. Если б только бронебойная пуля была, нас бы это не спасло, а тут – болванка из эрбала. Повезло...

– Он упал разорванный на две половины, и из его внутренностей хлестала какая-то черная жидкость... – не сдавался Гэри.

– Ну хорошо, пусть будет так, – согласился Байферс и понимающе переглянулся с сержантом. Дескать, в таком бою чего не померещится.

– Вот и мои владения, – сказал сержант, показывая на небольшой участок вытоптанной травы под раскидистым деревом. – Я вам дока привел, ребята! – объявил он солдатам. – Такого дока, что стоит только на него посмотреть, сразу здоровым станешь.

Доктор Навински остановилась посреди группы солдат и сказала:

– Итак, всем, кто чувствует хоть какое-то недомогание, раздеваться полностью и становиться в ряд. Только держите свои «турбо-джеты» на привязи, а то с такими шутниками у меня разговор короткий.

Раненые заулыбались и с помощью своих здоровых товарищей начали снимать доспехи и одежду.

– Апач, а тебе отдельное предложение требуется? – строго спросила Мелани. – Давай раздевайся – и в шеренгу.

Гэри неловко потоптался на месте и в поисках поддержки посмотрел на Байферса. Тот лишь пожал плечами: мол, все в порядке.

Гэри передал ему автомат, изрядно побитый италийер и начал расшнуровывать ботинки, перешедшие ему по наследству от погибшего капрала.

Пока он раздевался, доктор Навински успела оказать помощь троим самым пострадавшим пехотинцам – у двоих из них были проблемы с сочленениями механических имплантатов с живой частью тела.

Гэри поразился тому, как выглядели раздетые солдаты Конфедерации, – у них в самых неожиданных местах заканчивалась живая плоть и начинались пластиковые и металлические имитаторы. Даже уцелевшие руки и ноги – и те были прихвачены возле суставов специальными обоями.

По сравнению с этими людьми, отягощенными многочисленными дополнениями и стянутыми скобами, Гэри смотрелся каким-то беззащитным младенцем. Даже его основное мужское достоинство отличалось от того, что имели пехотинцы. По мнению самого Гэри, это было похоже на плетенный из тонкой проволоки корсет. Смотрелось это неплохо, однако что-то подсказывало Гэри, что подобная красота добавлялась пехотинцам не от хорошей жизни. Насколько он помнил, ему никакие корсеты никогда не требовались.

– Ну, теперь Апач... – сказала майор медицинской службы, стягивая рану последнего солдата куском биопластика.

Она обернулась, и ее взгляд, скользнув по Гэри, задержался ниже пояса.

– Что это такое? Где конструкционные усиления, «дублиеры»? Где твой «турбоджет», в конце концов? – Уголки губ Мелани дрогнули. Казалось, увиденное ее забавляло. Подойдя ближе, доктор ощупала плечи Гэри, его живот, бедра и все остальное. – Я не верю своим глазам, Апач, ты что же, весь настоящий, без дополнений? – снова спросила она.

– Этого не может быть, мэм, – вмешался Байферс. – Вы сами видели, как он бился ночью с флайтерами. Не будь у него никаких «дублеров», он бы давно уже загнулся. А еще была драка в пещере и потом заваруха с двумя «фуэте»... Может, проект «ZX», или как там он называется?

– Может, и «ZX», – пробормотала Мелани и принялась обрабатывать антисептиком рассеченное осколком ухо Апача.

29

Майор Споут, командир роты разведывательных роботов «кайра», вышел из раздвижного походного домика и, одернув куртку из черного тетрапона, пошевелил плечами – ему нравилось поскрипывание настоящей кожаной портупеи.

– Буанре! – позвал он главного механика роты, и тот, бросив все дела, торопливо подбежал к майору:

– Слушаю, сэр!

– Сколько машин на ходу?

– Восемнадцать, сэр, – ответил механик.

– Это плохо, Буанре. Это плохо, потому что они нужны мне все...

Майор Споут вздохнул, снова скрипнул портупеей, щелкнул вставленным в правую руку пусковым ключом, на секунду раскрыв его перед лицом механика, и убрал обратно.

– Даю тебе четыре часа, Буанре. Больше времени у меня нет. А знаешь почему?

– Нет, сэр, – честно признался механик.

– Потому что сегодня нам предстоит нелегкое задание. Ты меня понимаешь?

– Нет, сэр.

– Я так и знал. Пошел вон и помни – у тебя четыре часа.

Проводив взглядом фигуру механика, майор двинулся в сторону выстроенных в шеренгу исправных машин. Находившиеся неподалеку пилоты, завидев командира, поспешили к своим «кайрам».

Майор подошел к «кайре» с номером 1237, внимательно осмотрел коленные сочленения машины, тычась в них чуть ли не носом, и попытался просунуть палец под защитные бронешитки над шарнирами. Потом громко позвал:

– Абель! Абе-ель! – Тут он выпрямился и натолкнулся взглядом на вытянувшегося перед ним пилота. – О, ты уже здесь! Тогда объясните мне, лейтенант, почему у вас пушка запыленная? Или вы думаете, что враг дремлет на солнышке?

– Но ведь вы еще не проверяли пушку, сэр, – несмело заметил пилот.

– А ты хочешь, чтобы проверил? Сделать это несложно, лейтенант Абель, но я не уверен, что мне понравится то, что я там увижу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/orlov_aleks/sekretnyy-udar

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)